

ШОЛОХ

ОРДЕН
СУМРАЧНОЙ ВУАЛИ

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

АНТОНИНА
КРЕЙН

ТЕНЬ
СТОИТ
У ТЕБЯ
ЗА СПИНОЙ

Антонина Крейн
Шолох. Орден
Сумрачной Вуали
Серия «Young Adult.
Книжный бунт. Фантастика»
Серия «Шолох», книга 5

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68285720
ISBN 978-5-04-175311-5

Аннотация

Джеремя не похожа на других воров города Пик Грез. Она разбирается в древней поэзии, говорит на семи мертвых языках и цепенеет при звуках грозы.

Тилвас не похож на других аристократов города Пик Волн. Он продал свой замок, его тень ведет себя странно, а на груди висит загадочный амулет. Этот амулет должна украсть Джеремя. Простое задание. Слишком простое, чтобы все действительно было так легко.

Самостоятельная история из мира «Шолоха». Новые герои и новая страна, Шэрхенмиста!

История романа «Орден Сумрачной Вуали» разворачивается не в уютной столице Лесного королевства, как в предыдущих книгах цикла, а в темных замках, на одиноких трактах и пустынных берегах, где оживают мрачные тени.

Что связывает неуравновешенного главу воровской гильдии, язвительного аристократа с обманчивой улыбкой и воровку с образованием благородной леди? Их пути не просто пересеклись, а сплелись тугим узлом, и каждый не верит, что такие совпадения бывают.

Авторская мифология, закрученная детективная история, легкий слог, приключения и неповторимая атмосфера – все, за что мы любим «Шолох».

Тиражи книг вселенной превысили 50 000 экземпляров.

Содержание

1	11
2	22
3	35
4	47
5	62
6	72
7	87
8	99
9	111
10	123
11	135
12	151
Конец ознакомительного фрагмента.	170

Антонина Крейн Шолох

Орден Сумрачной Вуали

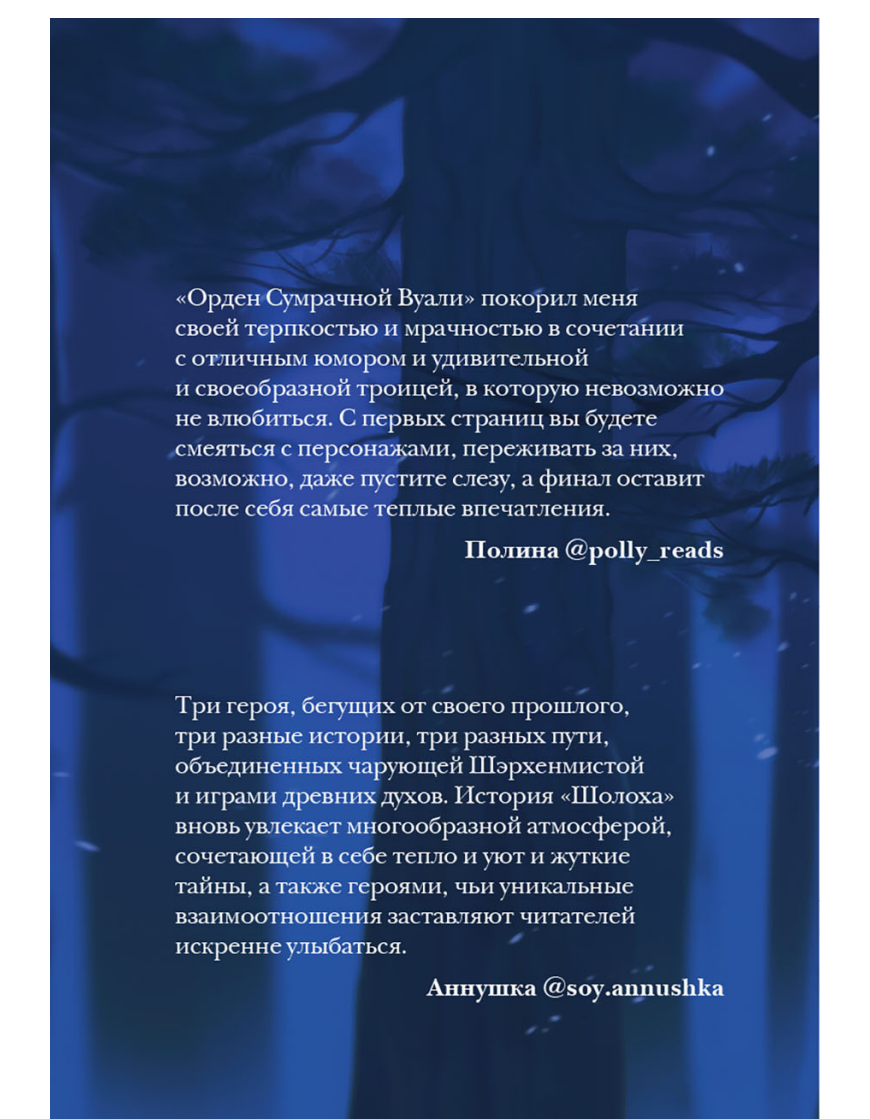
Иллюстрации на переплете, форзаце и нахзаце Invi

© А. Крейн, текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

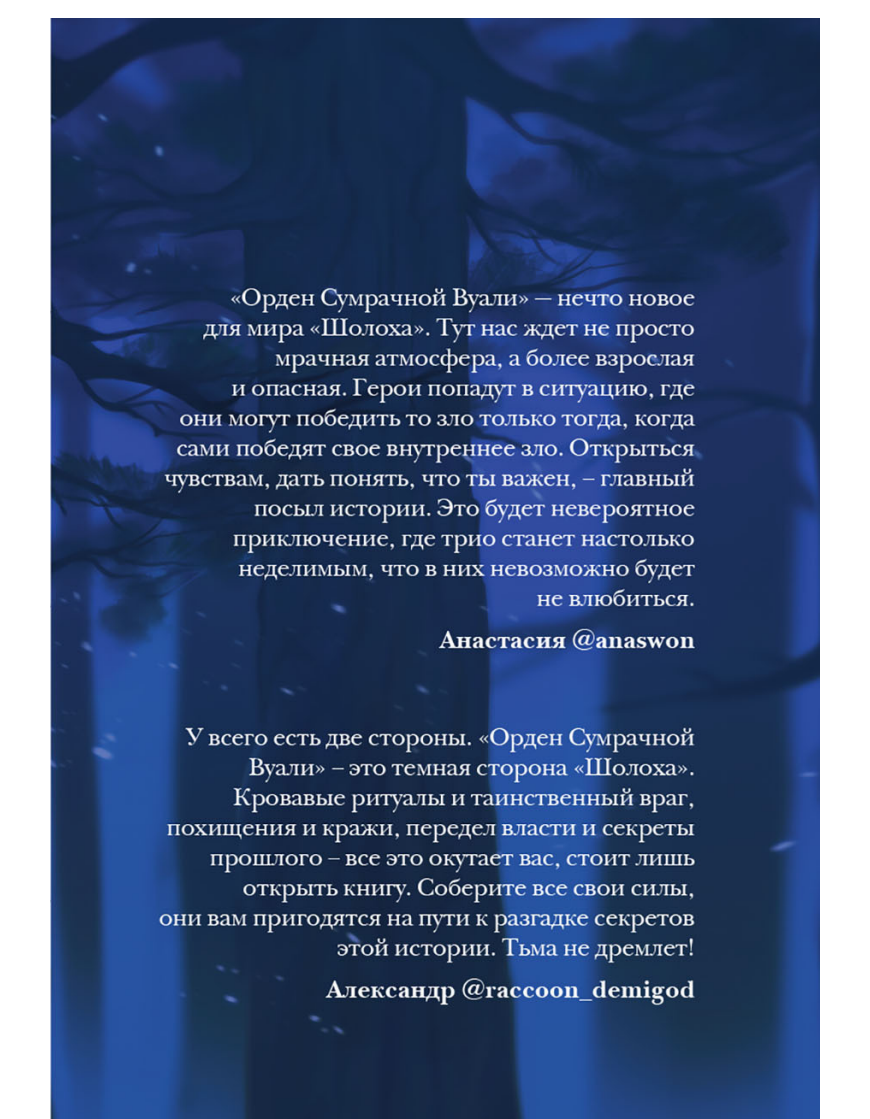
«Орден Сумрачной Вуали» покори́л меня своей терпкостью и мрачностью в сочетании с отличным юмором и удивительной и своеобразной троицей, в которую невозможно не влюбиться. С первых страниц вы будете смеяться с персонажами, переживать за них, возможно, даже пустите слезу, а финал оставит после себя самые теплые впечатления.

Полина @polly_reads

Три героя, бегущих от своего прошлого, три разные истории, три разных пути, объединенных чарующей Шэрхенмистой и играми древних духов. История «Шолоха» вновь увлекает многообразной атмосферой, сочетающей в себе тепло и уют и жуткие тайны, а также героями, чьи уникальные взаимоотношения заставляют читателей искренне улыбаться.

Аннушка @soy.annushka

«Орден Сумрачной Вуали» – нечто новое для мира «Шолоха». Тут нас ждет не просто мрачная атмосфера, а более взрослая и опасная. Герои попадут в ситуацию, где они могут победить то зло только тогда, когда сами победят свое внутреннее зло. Открыться чувствам, дать понять, что ты важен, – главный посыл истории. Это будет невероятное приключение, где трио станет настолько неделимым, что в них невозможно будет не влюбиться.

Анастасия @anaswon

У всего есть две стороны. «Орден Сумрачной Вуали» – это темная сторона «Шолоха». Кровавые ритуалы и таинственный враг, похищения и кражи, передел власти и секреты прошлого – все это окутает вас, стоит лишь открыть книгу. Соберите все свои силы, они вам пригодятся на пути к разгадке секретов этой истории. Тьма не дремлет!

Александр @raccoon_demigod

*Всем бунтующим, всем смиренным,
всем заблудшим,
сошедшим с пути —
посвящается*

Медальон господина Талвани

Ut salutas, ita salutaberis.

«Как ты приветствуешь, так и тебя будут приветствовать».

Ноль.

Еще ноль.

Еще и еще.

Пятый по счету кружок выглядел в чеке внушительно: такими суммами не принято разбрасываться направо и налево.

Глядя на пергамент, пододвинутый ко мне с противоположной стороны стола, я откинулась на спинку кресла и все же отрицательно покачала головой.

– Щедрое предложение. Но это не мой профиль – я просто не беру такие заказы, – объяснила я и вежливо указала рукой на дверь. – Могу лишь пожелать вам удачи с поиском исполнителя.

Однако заказчик, пожилой купец в богато расшитом костюме, не спешил подниматься со стула, равно как и заканчивать разговор.

Мы сидели в моем кабинете. Стены, обшитые черным деревом, источали тепло и поглощали лишние звуки. Окутанная облаком белых лепестков, цвела карликовая вишня в углу комнаты. Рядом с ней стояла просторная птичья клетка с почтовыми воронами, а дальше устремлялись ввысь книжные шкафы, под завязку забитые старинными фолиантами. Большое круглое окно выходило на тихую холмистую улицу Непрошенных: по ночам ее подсвечивали магические огоньки и оранжевые бумажные фонари, свисающие с острых крыш.

Мой кабинет выглядел rispetабельно и находился в одном из самых дорогих кварталов столицы, но по сути это был кабинет воровки.

Я – воровка.

Джеремия Барк к вашим услугам.

Я все еще держала руку приглашающе протянутой в сторону двери, когда заказчик сокрушенно вздохнул.

– Я понимаю, что это не ваш профиль... – он с сожалением потер гладкий подбородок. – Но господин Мокки Бакба лично направил меня к вам. Мне очень важно заполучить этот амулет именно сегодня. Это коллекционная вещь, другого шанса не будет.

После этих слов купец достал что-то из кармана и подтолкнул по столу ко мне так же, как сделал с чеком минуту назад.

На сей раз это был конверт. От его темной бумаги, очень

плотной и матовой, едва ощутимо пахло мускусом. Восковая печать со знакомым оттиском в виде острой рыбьей косточки слегка раскрошилась с краю, но в остальном ее целостность не подвергалась сомнению.

Хм.

Бросив короткий взгляд на купца, я открыла конверт. Письмо внутри было написано явно второпях: почерк Мокки, и без того размашистый, будто пытался вырвать строчку за рамки листа.

«Джерри, помоги ему».

И никаких больше объяснений. Никаких «пожалуйста». Все очень лаконично. Истинный Мокки Бакоа, король Квартала Гильдий. «Verba regis pensanda auro sunt» – «Слова царя на вес золота», как говорится в поэме Ристохана, написанной на мертвом нитальском языке, предположительно иномирном.

– Ладно, – вздохнула я, убирая письмо в ящик стола. – Тогда расскажите подробнее, что за амулет вам нужен и откуда его надо украсть.

Купец улыбнулся.

– Не откуда, а у кого, госпожа Барк. Хозяина амулета зовут Тилвас Талва́ни, он аристократ и сегодня на закате должен приехать в наш город...

Проводив заказчика, я принялась составлять запрос для информатора.

До заката оставалось достаточно времени, чтобы раздобыть дополнительную информацию о господине Тилвасе Талвани. Несмотря на то что дело было пустяковым (вероятно, поэтому Мокки мне его и поручил – нежная поблажка для *дорогой Джереми*), полагаться только на слова клиента всегда казалось мне несусветной глупостью. Вору, которые так делали, в случае неуспеха расплачивались за небрежность собственной жизнью.

Написав письмо, я попрыскала бумагу своими любимыми духами – сандал, кедр, пачули, – достала из клетки одного из почтовых воронов и прицепила свиток ему на лапу.

Всего у меня живет шесть птиц, названных по именам богов-хранителей: Теннет, Авена, Селеста, Дану, Карланон и мелкий взлохмаченный Рэндом. Можно сказать, это моя маленькая месть: держу богов на побегушках... Но и кормлю. И ухаживаю. И глажу по антрацитовым лоснящимся перьям по вечерам.

– Лети в цветочную лавку, Карланон, – велела я, распахивая окно и выпуская птицу на волю. – Принеси мне немного данных о господине Талвани.

С хриплым карканьем птица развернула крылья и понес-

лась прочь между черных и красных крыш столицы.

На самом деле обычно я не граблю живых людей.

Моя специализация – розыск легендарных артефактов, и преимущественно я работаю на древних кладбищах, в затонувших святилищах и заброшенных храмах. Чуть реже – в семейных склепах и монастырских библиотеках.

Коллеги из Полуночного братства подшучивают надо мной, называют гильдийской принцессой и слабачкой (попробовали бы они всю ночь работать киркой, ну да). Я в ответ беззлобно огрызаюсь стихами из древних поэм, и они, бывает, долго еще гогочут, расслышав что-нибудь неприличное в сочетании звуков очередного мертвого языка. Я закатываю глаза. Они хлопают меня по спине и разливают на всех сливовое вино. Воцаряется мир.

Прошло уже пять лет с момента моего появления в гильдийском квартале, но я до сих пор слегка выделяюсь среди большинства воров. И дело не только в том, что я по делу и без цитирую классические стихи на нитальском. Еще у меня чересчур гордая осанка и походка: я долгие годы училась гимнастике, танцам, чьяге и фехтованию, это не вытравишь. У меня есть ученая степень, полученная в лучшем университете страны по одной замечательной дисциплине, но... Так получилось, что сейчас я преступница.

Да.

Так получилось.

Никто во всем городе, кроме черноглазого психа Мокки

Бакоа, понятия не имеет, откуда я тут взялась. И в моих интересах, чтобы так оставалось как можно дольше.

...Почтовый ворон, вернувшийся ко мне от информатора, принес сведения о том, что господин Тилвас Талвани сегодня в восемь вечера будет проезжать в своем экипаже сквозь Плачущую рощу.

«Ты сразу узнаешь его карету, – писал мой любимый информатор Жан по прозвищу Герань, ибо для прикрытия держит цветочную лавку. – Экипаж очень вычурный, с золотыми узорами в виде цветов.

Этот господин Талвани – настоящая светская бестолочь. Баловень судьбы, последний представитель угасшего рода Талвани, он славится бедовым характером. По окончании университета он уезжал куда-то на север на несколько месяцев, а вернувшись, продал свой фамильный замок. Это было ошибкой: некогда приличный человек, он начал жить на вырученные деньги и перестал работать, и теперь становится всё безалабернее год от года. Когда его укоряют в тунеядстве, он говорит, что занимается магией, просто тайно. Однако, если продолжить расспросы, он сразу рассмеется и попробует тебя соблазнить, заявив, что готов показать свое колдовство на практике. *(Пишу это, и меня уже тошнит, Джерри!)*

Талвани вхож во все знатные дома Пика Волн, его часто видят на приемах у наместника Исцинари. Ему нравится эпатировать публику и делать всяческую чушь. Он удивительно хорош собой, но очень неприятен, как и всё бессмысленное

в этом мире. Амулет, который тебе нужен, всегда болтается у него на груди, как очередной признак дурного вкуса.

В общем, Джерри, просто сорви побрякушку и убегай – это изнеженное чучело тебя ни в жизни не догонит».

«*Изнеженное чучело*»! Какая прелесть. Жан всегда был силен в метафорах.

Что ж, подстеречь красавчика в Плачущей роще – отличный план.

* * *

Я надела узкие брюки, майку и *таори* травянисто-зеленого цвета – традиционную островную одежду с широкими рукавами, которую запахивают крест-накрест на талии и подвязывают длинным поясом *лоби*.

На ремешок на бедре я прицепила дротик со снотворным и короткий кинжал. На указательный палец – кольцо иллюзий, благодаря чему мои синие волосы (я чистокровная шэрхен) стали казаться черными, не такими приметными. На другие пальцы – еще перстни с разными полезными функциями. Я вообще люблю артефакты: здесь подсветка, здесь чары, здесь электрический удар – и жизнь становится интереснее.

– Аррьо, ребятки! – крикнула я воронам на прощание, и они ответили неравномерным птичьим гвалтом.

Аррьо – это шэрхенмистское «пока-пока».

Мой путь лежал через центральные кварталы Пика Грёз.

Наш город – одна из двух столиц Шэрхенмисты. Он расположен в гористой местности, в центре сумрачного острова Рэй-Шнарр. Город очень красивый: весь в скалах, кедрах, причудливых озерах и загадочных подземных реках. Вокруг столицы кольцом вырастают неприступные горы – мы живем будто в пиале. Чтобы попасть в Пик Грёз, нужно воспользоваться либо Подгорным туннелем, либо широким Рассветным трактом, либо старой дорогой через Плачущую рощу – так называется лес, расположенный в ущелье.

Деревья там вырабатывают какое-то невозможное количество смолы, причем черной, и издали кажется, что они обливаются горячими слезами. Все это выглядит довольно угрюмо, поэтому дорога пользуется меньшей популярностью, чем другие две.

Но мне она нравится.

Добравшись до леса, я устроила засаду в корнях величественного кедра. Смола стекала по стволу надо мной огромными каплями, подсохшие иголки падали сверху и устилали тонким ковром все вокруг. В роще все еще было светло, закат приближался неспешно, почти вразвалочку, и дорога, хорошо просматриваемая далеко вперед, пустовала.

В ожидании я еще раз прочитала данные об амулете Тил-васа Талвани, который мне надо украсть.

Этот амулет аристократ носил на груди уже несколько лет. Украшение представляло собой медальон в виде двуглаво-

го ворона: в центре – черный кристалл, а вокруг серебряная оправа. На все вопросы господин Талвани отвечал, что это некое сентиментальное напоминание, и сразу же активно напускал на себя томность и загадочность.

Хм. Пижон.

Наконец вдалеке послышался свист кучера, скрип экипажа и цокот копыт. Я подготовила дротик со снотворным. Когда темно-синяя карета моего клиента – и впрямь роскошная – оказалась ко мне максимально близко, я поднялась и запустила дротиком из специальной трубки.

Идеальное попадание: кучер даже не понял, что случилось. Лишь хлопнул себя по плечу, будто пытаясь избавиться от мухи, а уже через пару секунд отпустил вожжи и грузно обвис. Ближайшие три часа его ничто не разбудит.

Лошади, почувствовав перемену обстановки, сделали еще несколько шагов и остановились, тревожно пофыркивая и прядая ушами. В роще повисла выжидательная тишина, разбиваемая только далеким криком иволги.

Что ж, начали.

Я шагнула из-за дерева на дорогу. Оглянулась – не появилось ли незваных гостей? – в три прыжка подскочила к карете и распахнула дверцу.

Моим глазам предстал молодой аристократ собственной персоной.

Он полулежал на обшитом шелком диванчике, закинув одну руку за голову и держа какую-то книгу в другой. Меж-

ду пальцами господин Талвани перекатывал карандаш, которым, видимо, делал страшно много пометок во время чтения – даже с моего ракурса было видно, что поля книги сплошь исчерканы комментариями.

Губа азартно прикушена, взгляд больших серых глаз так и бежит по строчкам, не отвлекаясь на какую-то глупость вроде появившейся в двери воровки. Густые каштановые волосы растрепаны: Тилвас явно пытался заправлять их за уши, но они так же упрямо выskalзывали обратно.

Длинные ноги аристократа занимали, кажется, почти все пространство кареты. Одежда была с иголочки: свободные брюки, нижняя туника, таори и объемный плащ *роба* с капюшоном и широкими рукавами, выполненный, кажется, из чистейшего кашемира. Все – в благородных бежевых и синих тонах.

Расслабленная поза, шальная искорка во взгляде, элегантность и гармоничность облика... Тилвас, как мантией, был окутан аурой своего благополучия.

На мгновение я пожалела, что не могу полюбоваться им чуть дольше – оценивающе и отстраненно, как гравюрой, вставленной в сборник трагических пьес. «Давайте проанализируем, что может крыться за этой внешностью? Какой характер вы бы играли, достанься вам роль такого героя?» – будто задрезбезжал у меня в голове голос одного из наших университетских преподавателей.

Но сейчас было не до актерских упражнений. Важнее другое: на груди аристократа висел искомый амулет.

– Привет! – осклабилась я и, потянувшись вперед, схватилась за медальон.

С силой дернула на себя.

Но...

– Привет, – в тон мне ответил Тилвас Талвани, мгновенно перехватывая мое запястье. – А ты у нас кто такая?

И его приветливое выражение лица внезапно сменилось хищным оскалом.

Гурх.

– Налоговая! – рявкнула я, ребром свободной ладони ударив его по шее.

Плачущая роща

Actum est, ilicet.

«Дело закончено, можем расходиться».

Чего-чего, а удара Тилвас не ожидал.

Как минимум настолько подлого. Я заранее активировала кольцо с эффектом оцепенения, надетое на мизинец, и теперь оно, коснувшись кожи аристократа, шарахнуло Талвани магическим разрядом. Тилвас вздрогнул и задохнулся, инстинктивно отпрянув, а потом застыл.

Я прикрыла ему глаза – моргать оцепенение тоже не позволяет, а я не изверг, – и дернула за амулет еще раз.

И еще. И еще.

Да что ж такое-то! Из чего эта цепочка сделана, что не рвется?!

Намертво вцепившись в подвеску, я практически вытянула онемевшего Тилваса из кареты. Я уже прикидывала, насколько уместным будет развернуть его спиной и, нежно убрав с шеи волосы, расстегнуть подвеску традиционным способом, когда цепь все-таки поддалась.

– Ну наконец-то, – выдохнула я и погладила господина Талвани по щеке. – Прости меня, парень. Считай платой за въезд в наш город. Надеюсь, с тебя не убудет. И не надо меня догонять, только ноги в лесу переломаешь.

Тилвас, что логично, не отвечал.

Зажав трофей в кулаке, я спрыгнула на землю и рванула прочь в подступающих сумерках. Однако я убежала недалеко: позади вдруг раздался отчаянный хрип. Полный боли, будто последний крик раненого животного, он был настолько безысходным, что я застыла на месте, чувствуя, как ужас ввинчивается шурупом между лопатками.

Черные птицы вспорхнули из придорожных кустов. Пыль поднялась от промчавшегося по роще ветра.

Вздрогнув всем телом, я обернулась.

Тилвас Талвани, отошедший от заклинания, буквально вывалился из кареты. Одной рукой он держался за горло. Кожа его посерела, глаза лихорадочно горели, из уголка рта и из ушей текла кровь, заляпывая шикарную тунику. Он пытался дышать – его грудь тяжело поднималась и опускалась рывками, с трудом, но что-то ему мешало.

– Что случилось? – обомлела я.

– Меда... льон... – одними только губами произнес Тилвас.

Потом глаза его закатились, и он рухнул на пыльную дорогу.

Я обмерла. Затем попыталась заставить себя отвернуться.

Бежать дальше. *Не мои проблемы.* Именно так должен поступать нормальный вор – сваливать от неприятностей со всей доступной ему скоростью. Именно так меня учил Мокки Бакоа. Да что там Мокки – так учила сама, мать ее, жизнь... Глумливая. Беспощадная. Садистка.

Выругавшись, я бросилась по дороге. Но не прочь – а обратно к карете.

Я упала возле аристократа на колени и завязала порванную цепочку грубым узлом вокруг его шеи. Только сейчас я заметила, что в моих руках медальон потух, став скучно-черным, зато на груди Талвани снова замерцал, будто ночное летнее небо.

Ничего не происходило.

– Да чтоб тебя! – в сердцах рывкнула я, ударяя кулаком по карете.

Этот мерзавец не дышал.

– Подъем!

Пощечина. Никакой реакции.

– Медальон на тебе, пора просыпаться!

Тишина в ответ.

Мое сердце колотилось, как бешеное. Кровь, вытекающая из рта Талвани, была такой красной... Растекаясь по ткани, она темнела, и эти грязные пятна, мои трясущиеся руки, умирающий человек на песке – все это вызывало у меня тошноту и слабость. Перед моим мысленным взором в отчаянной безжалостной яркости проступали картины прошло-

го, которые я и так вижу каждую ночь,
до сих пор – *каждую* ночь,
пожалуйста,
не надо,
не надо опять,
я умоляю тебя,
я прошу...

– Помогите! Кто-нибудь, помогите! – закричала я, затравленно озираясь.

Помочь было некому.

Не сдавайся, Джерри.

Тяжело сглотнув, я запрокинула голову Тилваса назад и, зажав ему нос, накрыла его губы своими губами. Раз выдох. Два выдох. Теперь тридцать надавливаний на грудную клетку. Не шевелится. Раз выдох. Два выдох... Это должно делаться как-то так. Я играла это на сцене.

Наконец, на последнем заходе Тилвас вздрогнул и выгнулся дугой. Да так страстно, что это никак не коррелировало со сценой вокруг – кто будет целоваться с незнакомкой, которая откачивает тебя после приступа?..

Но оказалось, что аристократ просто попытался меня придушить – и подался навстречу, чтобы было сподручнее.

Я отбила его ладони, отшатнулась и вскочила на ноги. Однако я была недостаточно шустрой – Талвани уже сел и намертво вцепился мне в щиколотку. Другой рукой он стискивал медальон у себя на груди. Здоровый вид стремительно

возвращался к нему, глаза полыхали яростью.

Я пнула его левой ногой. Он одновременно дернул меня за правую, и я грохнулась на дорогу, чудом не отбив копчик.

– Кто? – с трудом захрипел Тилвас Талвани, подтягивая меня к себе. – Просто скажи: *кто*?

Я отбрыкивалась изо всех сил, но хватка у него была железная.

«Изнеженное чучело», Жан? Серьезно?

– Что – кто? – сквозь зубы процедила я, поняв, что мне не вырваться.

– Кто тебя нанял?!

Не успела я ответить, как откуда-то из глубины леса вылетела стрела. Она просвистела возле затылка Талвани и застряла глубоко в обшивке кареты. Вслед за ней сразу же появилась вторая – и воткнулась в дерево уже за моей спиной.

Цепко смотрящие сощуренные глаза Тилваса расширились от изумления. Я, не меньше его пораженная внезапным нападением, все-таки воспользовалась моментом, чтобы освободиться от его пальцев. Однако аристократ не дал мне убежать: схватив за шиворот, он буквально закинул меня в распахнутую карету. Затем прыгнул следом и захлопнул за собой дверцу, в которую тотчас вонзилось еще несколько стрел. Полетели щепки, и острые наконечники показались с внутренней стороны, но, к счастью, не прошли насквозь.

В течение двух вдохов мы с аристократом молча, с ненавистью смотрели друг на друга, после чего Тилвас распахнул

вторую дверцу и выскочил уже туда – в противоположную сторону от стрелявших.

Пригнувшись, Талвани бросился в сгущающуюся тьму между кедров. Я сделала то же самое.

* * *

В гонке по сумеречному лесу у меня было два преимущества: скорость и знание местности. Впрочем, вскоре выяснилось, что преследователи тоже прекрасно осведомлены обо всех коварных щелях, наполнявших Плачущую рощу, – незаметных узких дырах в земле, с хрустом ломающих ноги беспечным путникам.

Я мчалась сквозь лес, взмывала по наклонным гребням скал, перепрыгивала вздыбленные корни деревьев, подныривала под водопады, но погоня не отставала. Судя по голосам, нападавших было человек семь. Теперь они растянулись цепочкой и единым фронтом прочесывали рощу – я слышала их крики позади.

– Главное: грохнуть их! – приказывал кто-то, отнюдь не стесняясь орать на весь лес. – Не жалеть, не брать в плен, сразу грохнуть!

– Джеремию Барк тоже?

– Да!

Великолепно.

– Так, может, спустим на них браксов от господина, шеф?

– А давай!

Браксы?.. Это еще кто такие?

Вой, раздавшийся в чаще минуту спустя, буквально вынул из меня всю душу. Он ввинчивался в уши, как шуруп, и я задохнулась от жгучей боли, пронзившей меня от головы до пяток.

Сразу после послышался хруст ломающихся веток, топот и глухое рычание. Скорость браксов, чем бы они ни были, не шла ни в какое сравнение с человеческой. Чувствуя, как кровь шумит у меня в ушах и как зашкаливает уровень адреналина, я, подгоняемая ужасом, мчалась изо всех сил. Ветки деревьев цеплялись за мою одежду и хлестали по лицу, запах черной смолы казался кладбищенским. Ночная темнота уже полностью затопила Плачущую рощу.

Наконец я больше не могла бежать. Легкие разрывались. Вой приближался.

Решив залезть на дерево – *ну хоть что-то*, – я, тяжело дыша, остановилась у огромного кедра. Помимо ветвей впечатляющей толщины у него была еще одна отличительная черта – огромное дупло у земли, почти в человеческий рост.

Я готовилась подпрыгнуть, как вдруг чья-то невидимая рука схватила меня за плечо и затащила в это дупло.

– Чтоб тебя!..

– Тише! – велел жесткий шепот невидимого собеседника, и я узнала голос Тилваса Талвани. – Какого пепла ты остановилась именно у этого кедра?!

– Может, это мой кедр-любимчик! – огрызнулась я. – Почему ты невидимый?

– Артефакт, – кратко бросил Талвани и прижал палец к моим губам. Тотчас и я тоже стала невидимой, судя по пропавшим из виду рукам. – Не двигайся! – приказал аристократ.

– Немедленно убери свою грязную руку с моего рта, иначе я откушу тебе палец, – предупредила я, клацнув зубами.

– А ты немедленно умолкни, иначе браксы откусят все пальцы *тебе*, – не остался в долгу Тилвас, но все же послушно перевел руку мне на плечо.

Вновь завыл один бракс – и еще несколько сразу же последовали его примеру, наполнив чашу ужасным, холодящим кровь звуком.

Я и без подсказки не собиралась переговариваться со своим нежеланным спутником, но одна вещь требовала немедленного прояснения. Привстав на цыпочки, я почти беззвучно шепнула куда-то туда, где предполагалось ухо аристократа.

– Следы и запах. Невидимость от них не спасает, гений.

– *Моя* невидимость спасает и от них. Артефакт запутает следы и уведет преследователей дальше. У нас пятнадцать минут. И – для справки – я уже жалею, что втащил тебя в это дупло.

– А я жалею, что не втащила тебе как следует первым ударом.

Снаружи послышался еще один дикий вой, и мы с Тилвасом, сколько бы неприятных эмоций ни испытывали на сей счет, только сильнее прижались друг к другу.

Где-то совсем близко от дерева раздался жадный хриплый лай и какое-то отвратительное чавканье. Браксы крутились рядом, и я ощущала их присутствие, как давящее на грудь отчаянье, липкий страх, ползущий вверх по ногам. Я задержала дыхание, чувствуя, как непослушное, взвинченное сердце пытается выломать мои ребра к праховой бабушке.

Это чавканье... Я крайне болезненно отношусь к подобным звукам вследствие некоторых обстоятельств. *Крайне* болезненно. С учетом того, что и на песчаной дороге меня накрыло не лучшими воспоминаниями, сейчас их двойная доза вызвала у меня неконтролируемую дрожь по всему телу.

Тилвас Талвани почувствовал это.

На мгновение он замешкался, а потом... крепко и утешающе обнял меня двумя руками, как будто близкого человека после долгой разлуки. Это оказалось так неожиданно и неуместно с учетом обстоятельств нашего знакомства, что я от удивления перестала дрожать. И мгновенно разозлилась.

– Отцепись от меня, извращенец!

– Браксы уйдут – отцеплюсь. Ты так трясешься, что выдашь нас! Хватит пихаться!

– Еще на сантиметр ближе – и по кодексу чести тебе придется на мне жениться!

– Ой, да ему шестьсот лет, иди к гурху! Ай! Мне же боль-

но!

– Ура!

За этой перепалкой мы как-то даже отвлеклись от тянущего ужаса, разлитого по роще.

Наконец, ничего не найдя, хищники взвыли в третий раз и рванули дальше. Вслед за браксами пробежали наши преследователи, перекрикиваясь на ходу.

– Цэп, Джуп, расставьте ловушки на дороге! Брого, на тебе выход в город, не пропусти этих ублюдков! Вайнс – на тебе южные ворота ущелья. Остальные – продолжаем прочесывать рощу, эти сволочи никуда не денутся.

– Шеф, а может, отправить кого-то к Джеремии домой?

– Да там давно все схвачено. Но я хочу, чтобы мы закопали их *тут*. Наши отряд, а не городской. Ясно тебе?

– Ясно, шеф!

Я беззвучно выругалась. Это не просто несколько человек, это целая облава. Небеса всемогущие, да во что я вляпалась?

Вскоре голоса отдалились и наступила тишина.

Снаружи были слышны лишь звуки ночного леса: шепот травы, шорох иголок, крики цапель где-то вдалеке... Остро пахло смолой и пряным парфюмом – от Тилваса. Только после того, как рассеялся эффект невидимости, Талвани отстранился. Он сделал полшага назад и, опершись на противоположную стенку дупла, вскинул подбородок.

– Ну? – спросил он. В темноте я не могла разобрать выражение его лица. – Еще раз: кто тебя нанял?

– Я не знаю, – холодно сказала я.

– Ты согласилась убить человека и не спросила имя заказчика?

– Я не соглашалась никого убивать. Я воровка, а не убийца. Моей задачей было украсть твой китчевый медальон – и все. Откуда я знала, что ты без него начнешь умирать?

Тилвас ничего не ответил, только судорожно стиснул пальцами амулет, который слабо переливался в темноте.

– Неужели ты сам не знаешь, кто хочет тебя убить? – я сложила руки на груди.

– Представь себе, не знаю.

– Что, слишком длинный список желающих?

– Напротив. Ни одного имени в голову не приходит.

– Пф. А по тебе и не скажешь. Ты что, святой?

– Нет, я нормальный. Жаль, что в твоём мире, воровка, смерти не желают только святым.

– Вообще-то им тоже желают, я перепутала. Именно так они и становятся святыми: после долгого мученичества.

– Что ж, вдвойне жаль.

И, развернувшись на пятках, Тилвас Талвани шагнул наружу, в лес. Я поджала губы. Потом тихо выругалась и выскочила из дупла следом за ним. В призрачном свете луны аристократ в заляпанном кровью плаще казался призраком, сошедшим с книжных страниц мрачных историй.

– Эй, – окликнула я. – Куда ты?

– А что? Предлагаешь с тобой остаться?

– Ты меня бесишь, но вообще-то это не худший вариант.

Талвани обернулся, вскинув бровь. Взгляд у него был такой, что мне мгновенно захотелось дать ему в глаз, а не предлагать сотрудничество, но логика пока была сильнее эмоций.

– Как это ни прискорбно, мы оба влипли, – объяснила я. – Я тоже нужна им и, судя по их душевным беседам, у меня нет шансов мирно договориться. Если мы станем действовать заодно, нам будет легче выбраться из рощи: я хорошо знаю местность, а у тебя, полагаю, есть еще полезные артефакты. И мы оба умеем дать отпор.

Бровь Талвани всползла еще немного выше. В голосе слышались насмешливые нотки, когда он сказал:

– Ты пыталась меня *убить*, вообще-то.

– Зато потом я тебя спасла. Фокусируйся на хорошем.

– Мой психолог говорит так же.

– Умный психолог.

– Вовсе нет, я его уволил.

И, внимательно глядя мне в глаза, Тилвас Талвани слегка наклонил голову набок. Что-то вроде: ну, что скажешь на это, воровка?

Рассматривая выражение его лица, всю его вызывающую позу, я начинала стремительно понимать, за что в светском обществе его называют «бедовым». Да, в стрессовой ситуации господин Талвани проявил себя жестким, рациональным и, чего греха таить, достаточно опасным человеком. Но сейчас... С каждым мгновением, отделявшим нас от пресле-

дователей, он все больше напоминал хитрого беспечного хулигана.

Не знаю, чего он ждал, с интересом глядя на меня из-под полуопущенных ресниц, но я пожала плечами и сказала:

– Что ж, не хочешь – как хочешь. Тогда иди к пеплу. –
А потом: – Счастливого отдыха в Пике Грёз. Незабываемых приключений и все такое. Не могу сказать, что меня порадовало наше знакомство, но теперь на практике подтверждено, что я умею делать искусственное дыхание. День прожит не зря. *Аррьо!*

Я развернулась, чуть не врезалась в кедр и быстро пошла прочь по лесу. Сзади раздался смешок. Я в ответ подняла руку с поднятым средним пальцем.

Я артефактор

Ut vivas, igitur vigila.

«Чтобы жить, будь настороже».

Памятуя о репликах преследователей, не спешащих покинуть чашу, я кралась сквозь ночной лес как можно тише. Вскоре впереди послышался монотонный плеск и ровный шум воды. Прекрасно, именно эту реку я и искала, чтобы, зайдя в воду, наконец перестать оставлять за собой отпечатки сапог.

На берегу я сорвала несколько цветов деричавки, знаменитой тем, как сильно и терпко она пахнет. Крестьяне каждое лето обмазывали ею чучела на полях, чтобы как следует отпугивать птиц. Я энергично растерла синие цветочки между пальцами и помазала получившейся кашицей уши и запястья. Что ж. Теперь даже самые добродушные поэты едва ли стали бы воспевать мой запах в песнях, но и браксы, чем бы они ни были, вряд ли смогли бы взять след.

Я пошла по реке вверх, против течения, размышляя о том, что сейчас случилось и как мне с этим быть.

Я слукавила, сказав Тилвасу Талвани, что не знаю, кто меня нанял. Да, имя заказчика действительно было мне неизвестно, но ведь он пришел от Полуночного братства. От самого Мокки, прах бы его побрал.

Полуночное братство — это столичная гильдия воров. Раньше в городе процветало три воровских сообщества, но, когда одно из них возглавил Мокки Бакоа, два других были стерты с лица земли. Теперь у Полуночного братства монополия, и черноглазый Бакоа играючи катается на жерновах судьбы, без видимых усилий удерживая власть. Многие ненавидят его, но еще большее количество горожан полагает, что при Мокки в Квартале Гильдий наконец-то наступил порядок.

Иногда Мокки отправляет клиентов ко мне: если считает дело подходящим для меня или если не хочет по тем или иным причинам поручить его своим ребятам. Официально я не принадлежу к гильдии, существуя сама по себе.

Я могла бы вступить в братство в любой момент, но не спешу это делать. Как минимум меня отталкивает тот факт, что воры живут все вместе в огромных особняках и тайных убежищах, тем самым разделяя не только работу, но и повседневность. Они ведут себя как дружная семья, но при этом половина из них готова воткнуть нож в спину соседа.

Впрочем, это касается не только воров, но и всех других гильдий в квартале.

«Преуменьшаешь, — фыркает Бакоа, если он в добродуш-

ном настроении. – Это касается *всех человеческих обществ вообще*. Не говори мне, что вокруг тебя такого не было. Всегда есть те, кто больше увлечен своим мастерством. И те, кто вместо этого предпочитает плести интриги, – ненавижу этих маленьких грязных паучков с липкими лапками. Те, кто дает, и те, кто берет. Те, кто в центре – и те, кто на периферии. А самая задница в том, что даже если ты отвергаешь свою систему, Джеремиа, ты все равно уже в ней – просто в роли отшельницы».

Пожалуй, он прав.

Но если Мокки нравится царствовать в Квартале Гильдий, наслаждаясь опасностями, стычками, властью, плетя чарующую преступную сеть, то я все-таки предпочитаю коротать свои дни в относительном спокойствии тихой улицы Непрощенных.

В любом случае мой следующий шаг – это добраться до Мокки и выяснить, какого такого неприятного человечка он выдал мне в качестве заказчика.

Река начала резко забирать вверх, в горы. Я последовала за ней. Вскоре подниматься стало невозможно, течение усилилось, речные пороги постепенно превратились в водопады. Я выбралась из воды и теперь, сжав зубы, занималась незапланированным скалолазанием.

Это было тяжело – особенно при том, что никакой страховки у меня, естественно, не имелось, а стоящая над горами луна не могла похвастать ярким светом. Но я полагала,

что выбранный путь, каким бы пагубно-вертикальным он ни казался, – это лучшее решение. Потому что даже если я в максимально удобной одежде и с большим опытом в подобных делах еле справляюсь, то моим преследователям в их тяжелых сапогах, если они даже нащупают мой след, придется совсем туго.

Учитывая такие условия, пожалуй, хорошо, что Тилвас Талвани отказался объединять со мной усилия по побегу из ущелья. Вероятно, он бы не смог быстро двигаться под таким уклоном и тормозил бы меня.

Мои мысли вернулись к аристократу. Интересно, что с ним не так. Пусть господин Талвани и заявил, что он «нормальный», это утверждение показалось мне глубоко сомнительным. Как минимум нормальные люди не носят на шее что-то, без чего они готовы мгновенно откинуться. И не пестуют годами образ беззаботного шалопаю, при встрече с неприятностями схлопывающийся, как карточный домик, и обнажающий какую-то весьма опасную личность...

Я пожевала губами, прикидывая, какого размера будет синяк на моей щиколотке, так долго пробывшей в хватке аристократа. А потом старательно выкинула Тилваса Талвани из головы – потому что мысли о нем неумолимо превращались в воспоминания о том, как он умирал на дороге, а они, в свою очередь, готовы были соскользнуть в омут моих кошмаров, которым нет и не будет конца.

Прошло несколько часов, прежде чем я оказалась в горах достаточно высоко и далеко для того, чтобы счесть себя в безопасности.

Передо мной дремал уютный высокогорный луг – по утрам здесь наверняка пасут не одно стадо овец и коз. Но сейчас луг был пуст и тих, и только сверху на него с любопытством таращились сотни тысяч слабо мерцающих звезд. Небольшой дорожный указатель уведомил меня, что за соседней скалой располагается таверна «Приют пилигрима» для странников, которые совершают паломничество к горному монастырю богини Селесты.

Я долго кружила вокруг таверны на манер беззастенчивой ищейки. Проверяла отходные пути и заглядывала в окна, чтобы убедиться, что внутри привечают только благостных путников в плохой одежде и без оружия. «Ora et labora¹, и будет тебе счастье» – так и читалось на их добродушных лицах.

Потом я старательно смыла с себя деричавку, воспользовавшись водой из бочки: она была не по сезону холодной и пахла клевером. Я вывернула свое двустороннее таори наизнанку (шерсть стала черной, а не зеленой) и сняла кольцо

¹ Молись и трудись (*нитальский*).

иллюзий, позволив волосам вернуться к синему цвету. Наконец я развязала широкий лоб на талии и свободно обмотала им шею, превратив пояс в длинный шелковый шарф.

Нырнув в таверну, я устроилась в самом темном углу за барной стойкой – так, чтобы в висящем на стене зеркале видеть дверь.

Каково же было мое удивление, когда полчаса спустя в нее зашел не кто иной, как Тилвас Талвани. Мое лицо окаменело.

– Я передумал, – как ни в чем не бывало сообщил аристократ, залезая на соседний от меня табурет. – Работаем вместе.

– Как ты здесь оказался?! – прошипела я, хватая его за грудки.

Тилвас проигнорировал мои руки. Он лишь с достоинством приподнял указательный палец, подзывая бармена, и сказал: «Фирменное блюдо, пожалуйста!» Тот подозрительно воззрился на рваные полы темно-синей робы и на запекшуюся кровь в уголках рта Талвани, но мой несостоявшийся клиент улыбнулся так ослепительно, что бармен мгновенно оттаял.

Потрясающе.

Я изобретала способ сменить внешность в полевых условиях, а он даже умыться как следует поленился. Да еще и амулет с двуглавым вороном до сих пор висел поверх одежды.

– Ты придурок, – обреченно резюмировала я.

– Нет, я Тилвас, – вежливо возразил он.

– Хорошо, Тилвас, а теперь отвечай быстро и честно. –

Я демонстративно сдвинула руку поближе к его амулету и погладила двуглавого ворона большим пальцем – так, чтобы угроза была понятна. – Что ты делаешь в этой таверне?

Аристократ преувеличенно нежно накрыл мою руку своей. Теперь со стороны казалось, что мы парочка возлюбленных, а не готовые убить друг друга незнакомцы. Пожалуй, это было хорошо – для остальных посетителей таверны. Пусть лучше умиляются при виде нас, а не пугаются. Так безопаснее.

То ли для того, чтобы усилить эффект маскировки, то ли чтобы поглумиться, аристократ наклонился вперед и почти интимно зашептал мне дальнейшие фразы на ухо, слегка перебирая прядки волос и поставив несколько пальцев в опасной близости от сонной артерии. Я в ответ положила вторую руку ему в район подреберья – туда, где находится одна общеизвестная болевая точка.

Так мы достигли баланса сил.

– Как я оказался в таверне, спрашиваешь? Все очень просто: я прицепил на тебя маячок в дупле, – шепнул Тилвас.

– Гхм. Интересно, зачем? Жить надоело?

– Ну что ты, – расстроился он. – Просто мы достаточно долго и тесно обнимались для того, чтобы я захотел угостить тебя ужином. Видишь, как всё удачно сложилось.

– Я сейчас в тебя нож воткну. И тогда удачно сложишься ты. Пополам.

– А ведь еще недавно ты не желала мне смерти.

– Так то недавно. Может, я тоже передумала?

Тилвас фыркнул, рассеянно провел кончиком носа по моему уху и наконец отстранился, заканчивая нашу маленькую игру. Он скрестил руки на груди, вольготно откинулся, опираясь спиной на стену таверны. И заговорил уже более деловым тоном:

– Я поставил на тебя маячок для того, чтобы убедиться, что ты не заодно с нашими преследователями. Вдруг это всё была история с двойным... то есть тройным, дном. Но судя по твоим метаниям, ты действительно просто воровка, попавшая в западню.

Такой ответ звучал рационально.

Я строго сдвинула брови.

– Как ты залез в гору? Это, мягко говоря, непростая задача. Я бы даже сказала, невыполнимая – для нетренированного человека.

– В любой невыполнимой задаче главное – правильная мотивация. У меня она была.

Бармен поставил перед нами наши заказы. Передо мной – кувшин и два стакана с колодезной водой, перед Тилвасом – тарелку с рисом, козьим сыром, баклажанами и кусочками курицы в пряном соусе. Блюдо, пусть и простое, пахло на славу, и Талвани едва ли не прикрывал глаза от удоволь-

ствия, обеими руками пододвигая к себе глиняную миску.

Впрочем, я планировала всячески мешать ему наслаждаться едой.

– Откуда у тебя вообще маячок? – Я закинула ногу на ногу. – Это редкость, даже столичные детективы и заклинатели не носят при себе такие... Ох, только не говори, что ты из Тайной канцелярии. Это было бы просто дурным тоном.

Тилвас оскорбленно поморщился.

– Да брось, неужели я похож на кого-то такого? Они же там все серые, неприметные, одинаковые, чтобы в глаза не бросаться...

– Не юли.

Талвани старательно подцепил самый аппетитный кусочек курицы, прежде чем пожать плечами.

– Я артефактор. Колдун-артефактор, кто бы что ни говорил на этот счет. Поэтому у меня и есть маячок – я сам его сделал.

Я окинула его оценивающим взглядом. Артефактор, значит. Маячки – это достойный уровень колдовского мастерства.

– А та игрушка, которая путает следы?

– Да. Тоже мое производство.

А это вообще высший класс.

Тилвас вновь принялся за еду. Я еще раз внимательно оглядела всех посетителей таверны, затем подошла к окну. Горное плато казалось умиротворяюще пустым. Не хотелось

бы на практике выяснить, что наши преследователи тоже разжились маячком. Впрочем, пока все было тихо.

– Артефакторика – это достойная профессия, – сказала я, вернувшись за стойку к Тилвасу. – Почему же ты скрываешь ее ото всех, предпочитая казаться нелепым щеголем? И, хранителей ради, что за убийственная дрянь висит у тебя на груди? Тебе не приходит в голову хотя бы спрятать ее под одежду?

Тилвас доел и, коснувшись сложенными ладонями лба и груди, поблагодарил бармена за еду. Тот ответил традиционным полупоклоном.

– Я думаю, тебе достаточно информации обо мне, воровка. Ты и так, я вижу, неплохо осведомлена, даже лучше, чем мне бы хотелось. А вот я знаю про тебя только то, что тебя зовут Джереми Барк, ты неплохо бьешь в горло, промышляешь воровством и приятно пахнешь. Кажется, сандал и кедр? – прищурился он. – Ах да. Еще в твоих жилах течет голубая кровь. И ты явно занималась акробатикой или танцами.

Я непроизвольно поджала губы, услышав такое количество аналитики.

– Ничего себе «только».

– Я был бы не против узнать больше. – Мой собеседник подпер щеку рукой. – Однако в наших обстоятельствах считаю сближение неразумным. Поэтому я не буду ничего рассказывать о себе – только то, что потребуется для дела, – но и

у тебя сказки на ночь не попрошу. Взаимное право на тайны и анонимность – как тебе такое, Джереми?

Я пожала плечами.

– Привычно. Вот только никакого такого «дела» у нас с тобой нет. Я не собираюсь с тобой нянчиться: мое предложение касалось только Плачущей рощи. И ты, и я выбрались из нее живыми. Конец сотрудничеству. Пересаживайся от меня на другой конец зала, а лучше поищи себе другую таверну и другой город.

– Вот как? – аристократ вскинул брови. – А не разумнее ли объединиться, чтобы выяснить, кто и зачем хочет нас убить, а потом вместе помешать им в этом крайне сомнительном начинании?

Я скорчила сочувствующую мину.

– Господин Талвани, ты, кажется, что-то не понял. У меня уже есть план, и ты в нем не участвуешь. Предполагаю, что именно ты был первичной целью заказчиков – а мне просто не повезло стать твоей «плюс один» на этой убийственной вечеринке. Если ты не знаешь, кому помешал, то от тебя, туриста, мне никакого проку – одна головная боль.

– Хм, – сказал он, оценивающе меня оглядывая. Судя по тому, что сразу не стал возражать, Тилвас чувствовал – я не блефую. – А если я тебя найму?

Я закатила глаза.

– Я воровка. Для чего ты меня наймешь?

– Своруй мне немного времени для жизни, – подмигнул

он. – Раз уж кто-то поместил мое имя в графу смертников.

– Метафора? Хорошая попытка.

– Сколько?

– Иди в задницу.

– Да ладно, у нас с тобой ведь одна цель. И у меня есть кое-какие полезные навыки. Единственное, чего мне не хватает – это знания вашего города и порядков. Я готов за него заплатить. Щедро.

– Если я погибну из-за того, что прицепила тебя на хвост, никакие деньги мне уже не помогут.

– Но ведь наверняка есть что-то интереснее денег?

Я вздохнула. Какой... упёртый аристократ.

Тилвас, горы, рёххи, я

Cuilibet fatuo placet sua clava.

«Каждому дураку своя палка нравится».

Талвани терпеливо ждал ответа на свой вопрос. Я, по привычке крутя кольца на пальцах, размышляла.

Пожалуй, если не считать того факта, что ситуация в принципе удручающая, у меня нет особых причин отказываться от сотрудничества на данном этапе. Бросить Тилваса я всегда успею.

И да. Он *артефактор*, из-за чего я не могу не почувствовать к нему некоторого расположения, пусть и непредумышленно, почти против собственной воли.

Ведь поиск артефактов, которым я занимаюсь, – это не только моя работа, но еще и одна из немногих вещей, которая напоминает о моей прошлой жизни, оборвавшейся пять лет назад. Несмотря на то что моя нынешняя деятельность по большей части связана с расхищением гробниц и раскопками в древних святилищах – делами грязными, коленкообдирающими, лопатомашущими, – этот поиск странным об-

разом протягивает призрачную ниточку к той эстетствующей студентке, которой я была когда-то.

Как будто невидимая Джереми Барк из прошлого всегда стоит у меня за плечом с фонарем в руке и подбадривает:

– Давай-давай. Копай, моя хорошая. Справа упырь приближается, готовь кинжал. Это стоит того. Будет так интересно воочию увидеть браслет Анаита из героической поэмы VII века, верно? Помнишь те строфы, которые вы учили на четвертом курсе:

И день падёт, восстанет черная луна,
И небо, расколовшись, сгинет в море,
Всшипит песок, взбурлит вода,
И Анаит, крича, утонет в горе...

– «Всшипит» песок, ну с ума сойти! Вы тогда всей группой возмущались, что это странный перевод. Помнишь: сидели на подоконниках на третьем этаже, там такие широкие, розоватые подоконники, а за ними – один из этих шпилей с эмалированным украшением в виде цветка анемона. Ты обычно забивалась к самому витражу и уже оттуда декламировала стихи, и Кашфиэль делал пометки по истории, а Финна лихорадочно искала все аллюзии к предыдущим поэмам автора – наставник говорил, их должно быть сорок две штуки. И вот это «всшипит» вас всех выводило из себя, всю группу! Вы потом специально пошли на берег проверять и... Неожиданно поняли, что вообще да, именно так это и зву-

чит, древний поэт был прав, хоть и фриволен с языковыми средствами. Кажется, ты так хорошо помнишь эту поэму, потому что как раз после нее Финна перевелась на отделение теологии – и вы уже общались не так часто, к сожалению... А потом... – пауза, наполненная пылью и хриплым дыханием. – Эх... Копай, Джеремиа. Ищи окаянный браслет! Пора увидеть его своими глазами!

Эта призрачная Джеремиа Барк, топчущаяся за моим плечом в иные моменты, – то еще тепло. Однако я отношусь к ней с определенной нежностью, как и к поиску артефактов, заполняющему мои ночи звездами, пещерами и тишиной. Ведь всем нам нужно какое-то утешение в этой изменчивой жизни, которую в любой момент может слизнуть тяжелая, необъяснимая тьма, даже годы спустя удушающая тебя во сне.

Я со вздохом протерла лицо руками, отгоняя непрошенные мысли. *Unum et idem*. Опять и опять.

Раз Тилвас Талвани настолько хорош в своих изобретениях, значит, у него, как у ценного колдуна, наверняка есть доступ в закрытые библиотеки Сената. В те, которые не рискнет взломать ни один вор, ведь собственную жизнь, какой бы поганой она ни была, не хочется обрывать посредством неснимаемого проклятия, запускающего у тебя в груди безнадежный обратный отсчет. А библиотека Сената усыпана такими проклятиями, и все они замаскированы так толково, что даже Мокки в свое время отказался идти туда. И именно

в этой библиотеке хранятся книги по магическим языкам, информацию о которых нельзя найти больше нигде.

В общем, есть шанс, что именно Тилвас косвенно поможет мне с разгадкой одного шифра, над которым я так отчаянно бьюсь последние годы.

Артефактор смотрел на меня, наклонив голову набок, и смиренно ждал вердикта.

– Я назову свою цену потом, – наконец прохладно объявила я. – Когда пойму, что полезного ты сможешь мне дать. А если окажется, что ничего, – прости, но я просто уйду.

– Мм. В роще у тебя это не получилось, – сочувственно напомнил Тилвас.

– Хорошо: уйду, предварительно задушив тебя. Так лучше?

– Гораздо. Люблю честные предупреждения.

– Тогда лучше не поворачивайся ко мне спиной.

– Воткнешь нож?

– Пинка дам.

В честь обозначенного сотрудничества мы торжественно приподняли стаканы с водой. Бармен закатил глаза, не радуясь таким трезвенникам-клиентам, но возражать не стал.

После этого Тилвас Талвани заказал еще две порции риса, одну из них – мне, что меня определенно обрадовало. Не размениваясь на пустую болтовню, мы начали прикидывать план ближайших действий.

Мы решили переночевать в горах и отправиться в Полуночное братство утром. Потому что, во-первых, перед долгим днем явно нужно набраться сил, а во-вторых – если Мокки Бакоа за что-то и убьет меня наверняка, так это за то, что я разбужу его за час до рассвета.

– Куда ты? – нахмурился Тилвас, когда мы обо всем договорились и я целеустремленно направилась к выходу из таверны.

– Зайду за тобой на заре, – объяснила я. – Я не собираюсь спать прямо здесь. Хотела изначально, но... Ты явился сюда ровно в таком же виде, как был в чаще, и если посреди ночи нагрянут наши преследователи, то бармен с ходу укажет на твою спальню, и тогда вся таверна – до свидания. Я не хочу подвергать себя такой опасности.

– ...Джерри, прости: а ты всегда ходишь с таким суровым выражением лица?

– Да. Спокойной ночи.

Я прихватила в конюшне при таверне попону – свежестраную, ждущую своего часа в соломенной корзине. Конь, которому она предназначалась, растерянно заржал мне вслед, но я проигнорировала его возмущение. Добрых полчаса я петляла между острыми скалами, венчающими луг и похожими на скрюченные пальцы поднятых мертвецов, пока на-

конец не нашла себе удобную площадку для сна.

Относительно удобную, конечно.

Но мой жизненный опыт уже включал в себя ночевки в грязных переулках, на крышах и в подвалах, в полях и на побережье, даже в тюрьме. Так что я не жаловалась. Небо над головой – потолок, который мне по-своему нравится, ведь под ним как минимум никогда не бывает душно.

...Когда я уснула, ветер тоскливо пел в скалах и кедрах, а луна кокетничала, то и дело выглядывая из-за веера облаков. На лугу стрекотали цикады.

А когда я проснулась, рядом со мной сидел в позе лотоса Тилвас Талвани, подставивший лицо нежным лучам рас-светного солнца.

– Мать твою! – рывкнула я от неожиданности. – Что ты здесь делаешь?!

– Медитирую, – он приоткрыл один глаз. – Тебе бы тоже не помешало. Доброе утро.

* * *

После некоторого допроса – краткого, но выразительно-го, – выяснилось, что Тилвас Талвани нашел меня с помощью все того же маячка. Я чувствовала себя облапошенной, ведь перед сном я старательно осмотрела всю свою одежду и ничего не обнаружила. И поэтому решила, что маячок, как и многие одноразовые артефакты, саморазрушился че-

рез некоторое время после активации.

Теперь же, прижав артефактора к скале, я требовала ответа: где на мне спрятана эта неэтичная дрянь. Тилвас в ответ шутил, говорил, что забыл, и советовал мне устроить стриптиз, чтобы уж точно избавиться от маячка.

К его вящему удивлению, я и впрямь начала раздеваться.

– О, – только и сказал он.

– Что, засмущался? – вскинула бровь я, но в самый интересный момент ушла за скалу.

Маячка так и не было. Странно.

Тем не менее я сменила свою одежду на вещи, прихваченные в таверне. В ней имелся ящик для пожертвований – он пользовался популярностью, ведь «Приют пилигрима» находился на дороге к монастырю – и я без особых угрызений совести взяла оттуда штаны и тунику с длинными рукавами.

Еще одни брюки, безрукавку и льняное таори я швырнула в Тилваса, выйдя обратно.

– Переоденься, – велела я. – И пойдем в город.

Когда он, в свою очередь, появился из-за скалы, я раздула ноздри.

– Парень, тебе следует спрятать свой паскудный амулет под одежду. Иначе наш маскарад не имеет смысла. Еще на лбу напиши: я Тилвас Талвани. И то привлечешь к себе меньше внимания: идиотов в Пике Грёз много, а вот богатых идиотов с такими побрякушками – уже ограниченное количество.

Аристократ ощерился.

– Я не могу его убрать.

– Почему это? Ностальгия заест? – ядовито поинтересовалась я.

Тилвас не стал отвечать, просто взял амулет и закинул его за ворот. Я удовлетворенно кивнула, но... мгновение спустя неверяще сузила глаза.

Амулет был снаружи. На ткани.

– Стоп, – сказала я.

– Пха, – сказал Тилвас.

– Сделай это еще раз.

Он убрал амулет. Я моргнула. Амулет вернулся.

– Не утруждайся догадками, Джеремя, – пропел аристократ, приметив тяжелую работу мысли на моем свеженьком поутру лице. – Это необъяснимо. Я потратил шесть лет, пытаюсь спрятать эту штуку – раз уж снять пока не судьба, – но, увы, он неизбежно оказывается сверху.

– Я снова начинаю думать, что зря с тобой связалась, – резюмировала я.

А сама сделала мысленную пометку: *шесть лет, значит*. Надо будет как-нибудь невзначай выяснить, чем занимался мой спутник в то время, может, и о происхождении амулета догадаюсь.

– Я могу прикрывать медальон рукой, – предложил артефактор и патетически возложил руку на грудь. – Буду изображать туриста, очень растроганного видами города.

– Мы идем в злачное место. Скорее ты будешь испуганным туристом.

* * *

День был погожим и свежим, как лимонное мороженое на палочке. Кучевые облака беспечно шатались по небу, им вторили пухленькие овцы, выгнанные пастухами на прогулку. Светло-зеленая трава шепталась и волнами перекатывалась на теплом майском ветру.

Мы пересекли несколько очаровательных полей. В центре последнего из них находилось небольшое святилище духа горных лугов – *грюовви*. Я попросила Тилваса подождать и направилась туда.

Я не религиозна.

Мои отношения с шестью богами-хранителями ограничиваются тем, что я училась в университете, посвященном Селесте. И, как я уже говорила, моих почтовых воронов зовут в честь богов. Изредка перед походом в какую-нибудь особенно паскудную гробницу я могу зажечь свечу для богини Дану, знаменитой своей способностью выкручиваться из неприятностей.

Однако мне не понять серьезного подхода к культу богов-хранителей. Как минимум достаточно унизительно поклоняться тем, кто так похож на тебя, разве нет? Боги – они ведь... *плотные*. У них есть тела, сексуальные предпочте-

ния, не самые лучшие, согласно легендам, характеры, слабости и странности, откровенные дурости – как по мне. Они путаются с людьми и совершают ошибки, они самонадеянны и в то же время испуганны – как и все мы, перед лицом бесконечности. Они такие же, как и мы, по сути. И поэтому я им не доверяю. Как и людям.

К тому же однажды, когда я попала в беду, никто из богов не пришел вовремя, хотя в тот раз я искренне воззвала к ним. И знаете что? Я прощаю их за это. Но поклоняться – увольте.

В этом плане мне гораздо ближе культ *рёххов* – духов природы, населяющих архипелаг Шэрхенмисты.

Рёххи – это бесплотные сущности, которые покровительствуют тем или иным природным зонам, явлениям и состояниям. Домашние духи. Глубоко нематериальные, невидимые. Воплощенные в образе животных – а вот животных я как раз люблю.

Рёххи живут будто на другом слое реальности, практически не связанном с человеческим бытием: люди не могут касаться рёххов, а рёххи не могут касаться людей. Однако при этом духи природы имеют возможность взаимодействовать с другими сущностями и тварями, а также с предметами и вещами – при условии, что у рёхха для этого достаточно личных сил.

Конечно, духам не молятся, как богам. Скорее – просто задабривают их, совершая либации², а еще чаще – исполь-

² Либации – бескровные жертвоприношения.

зуют святилища как возможность посидеть в тишине и прислушаться к собственным мыслям, непостижимо возникающим и толкущимся на черном экране сознания.

В общем, рёххи – это наш маленький островный культ, почти игрушечный, улада для тех, кто уже ни гурха не вывозит психологически, а идти к знахарю не хочет.

Сейчас я подошла к святилищу *груовви* – духа, который имеет обличье сурка и покровительствует горным лужайкам Шэрхенмисты.

Святилище груовви выглядело как небольшой источник, обложенный по кругу камнями, с деревянным навесом и медным черпаком, висящим на перекладине. На крыше сидела деревянная фигура самого духа – сурок был толстеньким, довольным жизнью и солнечным весенним деньком.

Под навесом шуршали десятки записок, привязанных к балке красными нитками. На каждой была нарисована какая-нибудь руна – в зависимости от того, что хотел попросить у груовви оставивший ее человек.

Я сняла черпак, набрала в него воды и обмыла сначала левую руку, потом правую, а после – прополоскала рот. По правилам воду из источников духов нельзя пить, но я считаю это глупостью – такая вода, напротив, гораздо вкуснее обычной. Я очень сомневаюсь, что даже если груовви прямо сейчас сидит у меня за спиной, пожевывая травинку, добродушный сурок обидится из-за пары глотков, утекших в меня, а не в землю.

Я закончила ритуал низким поясным поклоном, после чего вернулась к Тилвасу Талвани. Он ждал меня, сидя на обочине горной тропинки и играя с ящерицей, которая с какой-то радости его не боялась, а, напротив, залезла на колено мужчины и сладко жмурилась сообразно тому, как Тилвас почесывал ей кожистую макушку.

Артефактор никак не прокомментировал мою внезапную религиозность. Если что-то и роднит всех без исключения шэрхен – так это глубочайшее уважение к чужим ментальным проблемам.

* * *

Путь в город был долгим – мы игнорировали проторенные пастушьи тропки и спускались по самым непролазным местам.

В огромной котловине внизу переливался под лучами солнца Пик Грёз – острые спиральные башни, причудливые дома из темных пород древесины, множество веревочных мостиков, поверху соединяющих целые кварталы, ярко-оранжевые храмы богов...

Наконец мы спрыгнули со скалы сначала на крышу какой-то лавки, потом – непосредственно на землю, и, выбирая тихие улочки, отправились напрямик в Квартал Гильдий.

Он представлял собой настоящий город в городе, скрывающийся за высокой красной стеной. На деревянных въезд-

ных воротах были вырезаны многочисленные предупреждения о том, что ждет вас внутри. Улицы стали не в пример уже, прохожие – эксцентричнее, а по каналам, пронизывающим квартал, плавали черные плоты торговцев. Тут и там огромными черепашками выделялись здания гильдий: ассасинов, наслаждений, игроков, охотников, бойцов, виноделов и другие.

Вскоре мы стояли у дверей Полночного братства.

– Жди здесь, – приказала я Тилвасу. – И постарайся не привлекать лишнего внимания, вокруг бродит много неприятных людей.

– Да уж, я по тебе понял, – отозвался Талвани и еще драматичнее прижал руку к сердцу, пряча медальон.

Я хмыкнула:

– Любуешься городом, как и планировал?

– Нет, сдерживаю тошноту. Любоваться тут правда нечем. Копия нашего Пика Волн, только без моря и с этими ужасными кедрами вместо елок. Почему у вас вообще есть статус столицы? Дыра какая-то.

– Ты неблагодарная дрянь, – жестко осадил я Тилваса. – Именно Пик Грёз зарабатывает деньги для всего государства и зачем-то делится с вами, приморскими городишками.

– Не веди мы морскую торговлю, вы бы стухли в своих горах. А еще мы – культурная столица.

– А мы – *настоящая*, – с нажимом сказала я. – Сенат заседает у нас, у вас лишь наместник. Что касается культуры...

...Как любые настоящие шэрхен, мы могли до посинения спорить о том, какая столица лучше – береговой Пик Волн или скалистый Пик Грёз. Это являлось настолько классической темой, что, с одной стороны, ее было неинтересно обсуждать, а с другой – начав, ты просто не мог остановиться. Есть мышечная память, а есть, кажется, дискуссионная – твой мозг уходит в отключку, а язык продолжает плеваться остротами в адрес второй столицы.

Впрочем, хотя такие споры нередко доводили до взаимных проклятий с использованием тканых кукол и втыкаемых в них иголок, мы, жители Шэрхенмисты, никогда не злились на оппонента по-настоящему. В глубине каждого из нас живет древняя безмятежность, спокойствие океана, которое позволяет нам относиться к чужому мнению с пиететом и уважением, даже когда оно не совпадает с нашим.

Сейчас Талвани и я с пиететом и уважением обозвали друг друга «портовым шлюхом» и «сенатской подстилкой», после чего с достоинством разошлись. Он нырнул в ближайший переулочек, а я поднялась по ступенькам гильдии.

Упомянуть о том, что я сама – уроженка Пика Волн, из-за чего вся критика с моей стороны была откровенным притворством, я, конечно, не стала.

Полуночное братство

Dicitur cornix cornici nunquam oculum effodere

*«А говорят, ворон ворону никогда глаз не
выклюет».*

Здание Полуночного братства выглядело, как оплывший панцирь из темного камня.

Круглые окна были затянуты красными слюдяными пластинами, над входом со скрипом раскачивалась латунная табличка с символом гильдии – белым рыбьим скелетом. Здание выглядело не таким уж большим: основная часть комнат располагалась под землей, наверху находились только просторный общий зал с кухонным уголком и кабинет Мокки Бакоа.

Всего во владениях Полуночного братства сейчас находилось пять зданий. Два из них являлись бывшими штабами других воровских гильдий. Еще два – убежищами, то есть конспиративными домами, скрытыми в центральных кварталах Пика Грёз. В убежищах воровская элита могла прятаться от властей или отдыхать между серьезными делами. Найти

убежища просто так считалось невозможным.

В столице было еще одно, третье, убежище, которое когда-то принадлежало Братству Скользких и которое Скользкие отказались выдавать даже за очень высокую цену. Мокки до сих пор активно искал его для своей коллекции, но пока что поиски не увенчивались успехом.

Я поднялась по трем полукруглым ступеням крыльца и постучалась. Не успел затихнуть звук последнего из моих ударов, как в двери приоткрылось окошко. В окошке появилось лицо.

– Привет, Чо.

– Привет, Коготочек. Что тебе надо? – миролюбиво отозвался Чо.

Коготочек – это мое нелюбимое прозвище.

– К Мокки на пару слов.

– Мокки занят.

– Мокки сейчас ест свой завтрак, насколько я знаю его любовь к четкому расписанию. Я не скажу ничего такого, что заставило бы его подавиться.

– Ну смотри. Плохое настроение Мокки – много проблем для всех нас. Не подведи.

И Чо открыл мне дверь.

Внутри гильдии все потихонечку просыпались и выползали наверх, приманенные запахами с кухни. Острые локти, блестящие глаза и широкие ухмылки, нестерпимое самолюбование и жажда мериться всем подряд, – гильдийские воры

были похожи на сборище недокормленных, худых по весне лебедей. Нескладные и громкие существа, они обменивались шуточками и перекидывались паровыми булочками, пока на жаровне грелся чугунок с русалочьим кофе.

Чо – белобрысый выходец из болот южной части острова, бледный и всегда маниакально сбривающий брови – захлопнул за мной дверь и двинулся туда же.

Но он ушел недалеко. Я схватила его за плечо и развернула:

– Верни.

– Ну ты и зануда, – надул губы Чо и вытащил из кармана только что снятое с меня магическое колечко.

Мокки, в чей кабинет я по-свойски ввалилась, сидел прямо на столе, скрестив ноги, нахохлившись и поедая лапшу из картонной коробки. Шеф воров был в своем репертуаре: на коленях лежала свежая газета, шаровары не скрывали изящных щиколоток, а к красному поясу, затянутому поверх черной майки, была привязана связка отмычек. На шее Бакоа болталась опасная бритва, на которой была выгравирована строка из старинной песни:

Сумрак наполнил холмы, и я закрываю глаза.

Господин Бакоа был блёсном, то есть уроженцем подводной страны Рамблы, которого в один прекрасный момент достало существование на дне. Тогда Мокки сбежал из заколдованного морского царства: он, прорвав защиту Рамблы, выбрался на берег, сорвал с себя магические артефакты, поз-

воляющие блёснам жить на глубине, отрёкся от родины и переехал в Пик Грёз – как можно дальше от моря.

Бунтарь Мокки Бакоа.

Мокки красивый и злой. У него шальные черные глаза и встрепанные русые волосы. Он великолепный организатор и сдвинут на порядке – ему нужны четкие расписания, правильно разложенные вещи, идеально выглаженная одежда. Если ты разозлишь Мокки, он может тебя убить.

Но мне он нравится. Если не сказать сильнее.

Однако за все годы нашего знакомства я убедилась в том, что самое лучшее, что я могу сделать с бабочками в своем животе – это приколоть их булавками на стену очень плохих идей.

Говорят, Мокки просто не способен любить. Никого. Максимум доступной ему душевности – завести рыбок и угрожать немедленной расправой всем, кто посмотрит на аквариум неровным взглядом. И то не ради рыбок, возможно. А потому что Мокки – абсолютно поехавший тип.

Я не полностью согласна с этим утверждением, но... Однажды я поцеловала Бакоа. Он не ответил, а потом разбил зеркало, возле которого мы сидели, и ушел. Вот и все, *miserabile dictu*³.

Когда я вошла в кабинет, архимастер воровской гильдии скользнул по мне цепким взглядом и вновь вернулся к лапше.

³ Достойно сожаления (*нит*).

– Привет, Мокки.

– Угум. Ты чего так рано явилась?

– Проблемы. Заказчик, которого ты послал ко мне вчера, оказался с душком и открыл на меня охоту.

Мокки не спеша отхлебнул чай из маленькой глиняной чашечки. Изыщные пальцы знаменитого взломщика сжимали ее лениво-расслабленно.

– Печально, – сказал Бакоа чуть погодя. – А за что он на тебя охотится? Ты не выполнила заказ?

– Можно сказать и так.

Я рассказала ему о случившемся во всех деталях.

Мы с Мокки вместе пережили нечто очень неприятное. Такое, о чем не принято вспоминать, что заставляет меня цепенеть при звуках грозы и потом, при встрече с Бакоа, отводить глаза. Хотя он все равно всегда замечает это и молча протягивает мне фляжку с крепким пойлом:

– Проветри мозги, Джеремя.

Если я кому-то и доверяю в Пике Грёз, то этому парню, выползшему с самого дна – во всех смыслах этого слова.

Мокки слушал меня внимательно. Он отложил лапшу и, не расплетая ноги, подпер щеку кулаком.

– В общем, мне нужно узнать, кто сидит по ту сторону игровой доски, – подытожила я.

– Понимаю твоё желание. Но есть проблемка.

Бакоа пожевал губами и хрустнул пальцами, прежде чем сказать:

– Я вчера не посылал к тебе никаких заказчиков, Джерри. Кровь отхлынула у меня от лица.

– Невозможно, – я стиснула кулаки. – Он сказал гильдийский пароль, знал мой адрес и правильный стук в дверь. Он дал мне письмо, запечатанное твоей личной эмблемой, в конце концов.

– Так-так. Письмо у тебя?

– Нет. Оставила в кабинете.

– Вот крыса, – широко улыбнулся Мокки. – Да нет, не ты, Джерри. А тот из наших, кто всё это подделал и сдал.

Он с кошачьей грацией спрыгнул со стола, отбросил газету и снял со стены кабинета длинный боевой посох в стиле южных пустынь. После этого с ноги распахнул дверь в основное помещение гильдии, которое уже наполнилось гомоном братьев и сестер Полуночи, шумно завтракавших за общим столом.

– СУКИ! – гаркнул Мокки, крутанув посох в руках и после долбанув им о каменный пол гильдии.

Разговоры тотчас оборвались. Я, стоявшая в дверях, оперлась плечом о косяк.

* * *

– Кто. Сдал. Наши. Явки? – прошипел Мокки Бакоа, как форменная гадюка, и, недобро волоча за собой посох – тот неприятно скрипел по камню, – медленно пошел к столу.

Очень медленно. Угрожающе.

Лица воров вытянулись и побледнели. Лапочка Джайя подавилась булочкой и теперь выбирала, что лучше – сдохнуть от удушья или от того, что она перебьет Мокки своим кашлем.

– В нашем братстве не так много правил, милые... – угрожающе рокотал Мокки, обходя стол и эдак по-отечески поглаживая по щеке каждого из подчиненных. Посох во второй его руке искрил и горел фиолетовым, набалдашник в виде черепа ожил и теперь скалился. – Важнейшее из них – быть верным...

Бакоа внушал ужас, и вся гильдия наполнилась отчетливым запахом страха.

Они и впрямь боятся его. До икоты. Особенно в те периоды, когда Мокки как будто бы сносит крышу – целыми днями он ходит взвинченный и энергичный, и ты не знаешь, чего ждать от него в следующую секунду.

Сейчас Мокки впечатляюще разглагольствовал, и руки воров все сильнее дрожали. Я пыталась догадаться, чем закончится дело, кто из двух дюжин людей за столом продал своих – *и за что?* – как вдруг во входную дверь заколотили.

Бакоа не обратил на это ни малейшего внимания, ключник Чо не посмел шелохнуться. Стук продолжался, становясь все интенсивнее, к нему добавились невнятные выкрики, толком не проникающие сквозь железную дверь.

В итоге к ней двинулась я. Стоило мне отодвинуть заслон-

ку окошка, как обнаружившийся по ту сторону Тилвас Талвани с искаженным лицом заорал:

– Берегись! На вас нападают!

И в то же мгновение позади меня раздался звон разбитого стекла. Что-то круглое и тяжелое пролетело сквозь общий зал гильдии – мимо замерших за столом воров, мимо разгневанного Бакоа, – влетело в шкаф с магическими свитками и взорвалось.

Гномья граната.

Помещение начал затягивать ядовитый антрацитовый дым. Мокки взревел кое-что совсем непечатное и, развернувшись на пятках, швырнул свой посох, будто копье, в разбитое окно – едва появившийся за ним человек без единого вскрика рухнул где-то за пределами сцены.

Второе окно тоже разбилось – еще одна граната прилетела мне прямо под ноги, и я едва успела пнуть ее прочь – бронзовый шар взорвался в воздухе в центре зала. Как черный фейерверк, рванули во все стороны удушающие клубы колдовского дыма.

Некоторые воры, не успев отойти от моральной порки под авторством своего архимастера, непроизвольно вдыхали яд – и тотчас падали на пол. Черный дым не был смертельным, но приносил ослепительную вспышку боли, похожую на пощечину твоему сердцу, и мгновенно усыплял человека на долгие часы.

Стоны. Кашель. Удары об пол и грохот падающих от взры-

вов полок с тубусами городских карт.

В гильдии воцарился полный хаос.

Окна продолжали звенеть, осыпаясь, и теперь сквозь них, судя по крикам и звону металла, пробирались внутрь вооруженные нападающие. На стену рядом со мной из темноты плеснуло кровью.

Гурх.

Я резко отодвинула засов и во всю ширь распахнула дверь, надеясь пустить свежий воздух и выбраться наружу. Но теперь на пороге, помимо побледневшего Тилваса Талвани, стояло трое ассасинов из Алого братства. На их лицах были тканые маски, наверняка пропитанные календулой, которая могла нейтрализовать ядовитый дым.

Один из ассасинов, увидев меня, чуть сильнее, до крови, прижал изогнутый клинок к горлу Талвани, еще один ужом проскользнул в дверь и исчез в дыму, откуда тотчас послышался громкий, исполненный гнева крик Бакоа.

Третий же ассасин открытыми ладонями с силой толкнул меня в грудь, отбрасывая от двери обратно, во тьму нападения, выбивая из легких весь воздух, до боли, до жжения, до слез из глаз... Не вдохнуть теперь не получится, как бы я ни старалась – гурхов рефлекс, убивающий утопленников на глубине.

Падая назад и чувствуя, как меня обволакивает темная бархатная пучина, я с ненавистью смотрела в равнодушные карие глаза над тканой повязкой.

Алое братство. Ведь мы с вами знакомы, сволочи. Соседние гильдии. Так много совместных пирушек и дел. Шутки, песни, ночные бои на досках, перекинутых через каналы квартала – и проигравший, на радость зрителям, с плеском падает в воду, вечно пахнущую гнилью и водорослями.

Как же так, Алые? Как же так?

Вот поэтому я и не люблю гильдийский квартал...

Дым проник в мои легкие. Всплеск боли – я потеряла сознание.

6

Сделка

Cui bono? Cui prodest?

*«Кому это выгодно? Кто от этого
выигрывает?»*

Я очнулась в сыром и сумрачном месте, на влажных теплых камнях. Шея болела. Голова раскалывалась, в легкие будто кошки нагадили.

Я села и осторожно огляделась: почти ничего не было видно, но я точно находилась в некоем подземном тоннеле. Кое-как сфокусировав взгляд, далеко впереди я рассмотрела дрожащий огонек свечи и за ним – еще какое-то неоформленное свечение.

С трудом поднявшись, я пошла туда. По мере приближения к огоньку стал слышен негромкий разговор, доносящийся с той стороны. Слова отражались от стен тоннеля, расплескивались, множились, спотыкаясь о собственное эхо, и поэтому разобрать их было не так-то просто. К ним добавилось журчание воды.

Разговаривавшие находились за поворотом тоннеля, а

свеча, привлечшая мое внимание, стояла как раз на углу. Подойдя почти вплотную, я наконец узнала голоса Мокки Бакоа и Тилваса Талвани. Третий принадлежал женщине.

– Нет, я не смогу дать вам эту информацию, – говорила женщина. – У меня ее нет.

– Так своруй. Точнее, пусти меня, я сворую, – с нажимом предлагал Мокки.

– Я и так пошла против своих, не хочу нарываться и дальше... Но есть другой вариант.

– Какой? – заинтересовался Тилвас.

Я молча вывернула из-за угла, и трое собеседников одновременно, как совы, перевели на меня блестящие глаза. Они сидели вокруг костра, разведенного у подземной реки.

Отблески пламени танцевали на стенах тоннеля, высвечивая руны, обозначающие «кровь» и «мечь». Вдоль потолка была выбита надпись:

*Бледная смерть с одинаковой улыбкой стучит в
лачуги бедняков и дворцы царей*

*Нарушая клятвы свои, знай, что тихая госпожа все
видит*

Увидев ее, я поняла, где мы: в почти пересохшем русле реки под названием Кровь Сенаторов, некогда в полную силу текшей под городом. Говорят, именно в нее около тысячи лет назад сбросили десять убитых сенаторов Шэрхенмисты, не оправдавших ожидания своего народа. Сейчас река почти

пересохла, и оставшиеся тоннели использовали как тайные ходы, соединяющие здания разных гильдий и кое-какие места столицы.

Трое у костра поздравили меня с пробуждением после яда.

Тилвас, несмотря на случившееся, выглядел достаточно бодро. А вот Мокки досталось: правая рука вора была перевязана и подвешена на бинте у груди, под глазом расплылся впечатляющий синяк. Майка порвана, лоби пропал, шаровары запачканы кровью. Судя по всему, чужой.

Сидевшая рядом с ними женщина с короткой стрижкой была одета в темно-синий костюм ассасина. Это ее карие глаза я видела перед тем, как потерять сознание. Ее звали Раэль, и мы знали друг друга.

– Какого гурха? – сипло спросила я ее.

Раэль пожала плечами:

– Я вас спасла, между прочим. Никто из ассасинов не любит убивать тех, с кем делил еду. Но наша гильдия не могла отказаться от заказа, пришлось действовать хитро. Прямо сейчас кое-кто изучает всех захваченных нами воров, надеясь увидеть среди них ваши с ним, – кивок на Тилваса, – мордашки. И найдись они, вас бы уже придушили. А так вы все еще на свободе. И, конечно, мы не стали бы убивать Бакоа.

Она повернулась к вору и уважительно коснулась ладонями груди. Мокки ощерился.

– А без яда нельзя было как-нибудь обойтись? – сказала я, потирая саднящее горло.

– Конечно нет. Спрятать и переместить три бессознательных тела уже после бойни гораздо проще, чем пытаться договориться с вами в процессе. Так что лучше благодарно улыбнись мне, воровка, и присоединяйся к обсуждению дальнейших планов.

В ответ я изобразила скорее оскал, нежели улыбку, и тоже села у костра. Раэль фыркнула и обвела нас троих взглядом.

– Как я понимаю, вы хотите узнать имя заказчика. У меня его нет. Но его знает архимастер нашей гильдии. Если вы добудете ему кое-что, что он ищет, то он поделится информацией – и тогда вы поймете, кто открыл охоту на вас и заплатил нам достаточно для того, чтобы мы напали на Полуночное братство.

Не успела ассасинка договорить, как Мокки Бакоа рассвирепел.

– Ах ты гадина! – зарычал он, вскакивая, хватая Раэль за грудки и приподнимая ее над полом одной здоровой рукой.

Его глаза с густыми, почти по-женски длинными ресницами загорелись безумным огоньком, а сбитые в драках костяшки пальцев побелели.

– Не любите убийства тех, с кем делили еду, да?! Скажи как есть – всё это часть плана твоего архимастера! Вы спасли этих двоих не потому, что вам их жалко, а потому что заранее хотели продать нам информацию!

Он явно был прав. Раэль скривилась, но отрицать ничего не стала.

– Что хочет получить твой архимастер? – спросила я.

– Сначала скажи ему отпустить меня, – процедила она, глазами указывая на Мокки.

– Раэль, он король квартала. На мои слова ему на-плевать.

– Молодец, Джерри, правильно отвечаешь, – отозвался папочка воров, но ассасинку все-таки выпустил.

Тилвас Талвани наблюдал за сценой молча и только с очевидным интересом переводил взгляд с вора на убийцу и обратно.

Раэль с достоинством отряхнула невидимые пылинки, потом задрала подбородок и отбарабанила:

– Повторю еще раз, чтобы вы точно осознали: нам, ассасинам, действительно совсем не понравилось, что нас вынудили напасть на воров. В квартале и так пролилось слишком много воровской крови в последние несколько лет, *да, Мокки?* – со значением протянула она. Бакоа не среагировал на провокацию. – Но нашему заказчику нельзя было отказать. Поэтому мы сделаем вид, что не можем вас поймать. У вас есть две недели, чтобы разобраться с ситуацией. До тех пор все воры будут у нас в плену, а мы якобы будем вас безуспешно искать. После этого по требованию заказчика мы начнем убивать воров. По одному. Вам в назидание. Хорошо бы вам до этого самим разобраться с тем, кому нужны ваши головы.

– Так скажи нам его имя! – снова прошипел Мокки и по-

тянулся здоровой рукой к своей бритве.

Но Раэль поспешно подняла руки.

– Шеф даст вам имя заказчика, если вы поможете ему кое с чем... Он просит, чтобы вы достали ему бриллиантовое кольцо герцогини Льовез. Оно хранится в замке в Лесу лжецов. Говорят, там такой сейф, что хоть на две секунды притормози после введения неправильной цифры – и взлетишь на воздух. Мокки, в прошлые годы мы несколько раз пытались дать тебе этот заказ, но ты отказывался. Может, согласишься теперь?

Тилвас оценивающе хмыкнул, а Мокки вопреки моим опасениям теперь лишь саркастически расхохотался, а не придушил Раэль голыми руками.

– Какая прелесть, – осклабился он. – В заднице Джереми, а платить просят меня.

– Ты тоже в заднице, – «утетила» Раэль. – Точнее, твои вору.

– Я могу себе новых набрать.

– То есть мы их режем? Так и передам.

– Стоп! Нет! – я вмешалась до того, как этот псих скажет «да». – Я украду для вас бриллиантовое кольцо.

– Ты не справишься, – бросил Мокки.

– Точно не справишься, – поддакнула Раэль.

– Я смотрю, тебя в этом городе ценят? – Талвани улыбнулся мне со своего места.

Я стрельнула в него мрачным взглядом.

Несмотря на улыбку, Тилвас сейчас казался очень задумчивым, как будто старательно прикидывал что-то.

– Вообще, ваше предложение и впрямь несколько несправедливо по отношению к господину Бакоа, – протянул аристократ, глядя на ассасинку. – Тогда как мы с Джеремией *хотим* узнать, кто нас преследует, на господина Бакоа вы просто пытаетесь надавить, что, как я понимаю, чревато неприятными последствиями. Но у меня есть идея. Давайте я присоединюсь к просьбе ассасинов, чтобы сделать ее более привлекательной для вас? – он обернулся к Мокки. – То есть найму вас.

Я изогнула бровь:

– Вчера ты нанял меня, сегодня пытаешься нанять его?

– Всех нанимаю!.. – беспечно отмахнулся Талвани. – Я же богатенький аристократ, как-никак. Могу расплатиться звонкой монетой и все такое. Украдите это несчастное кольцо из замка Льовезов – и помимо информации от убийц получите увесистый мешок с золотом от меня... Потому что меня тоже прямо *очень* интересует имя того, кто мог меня заказать. И да, я хочу поехать в замок с вами. С кражей украшения не помогу, но поеду обязательно, – не терпящим возражения тоном закончил он.

Мои брови от такого финала уползли куда-то на затылок, Раэль сказала: «О?», а Мокки с интересом наклонил голову набок.

Когда пауза стала слишком долгой, я покачала головой:

– Тилвас, это отличная попытка, но ты все-таки не можешь нанять Бакоа. Тебе не хватит денег покрыть убытки, которые понесет Квартал Гильдий в его отсутствие. Здесь тотчас развернется война банд, и, думаю, наши друзья Алые тоже понимают, что это дохлый номер, – я обернулась к Раэль.

– Не торопись, Джеремиа, – вдруг прервал меня Мокки. – Я еще не сказал «нет».

Какое-то время вор буравил Тилваса и Раэль взглядом, а потом прищурился:

– Я за. Давайте сыграем в вашу игру. Нанимаешь так нанимаешь, аристократ. Скатаемся в замок, и там мы с Джерри стащим колье.

– Пока вы будете ездить к Льовезам, наше братство позаботится о том, чтобы вас не искали в Лесу лжецов, – деловито кивнула Раэль. – И мы сделаем все возможное, чтобы не допустить войны банд. Нас вполне устраивает твое главенство в квартале, Бакоа.

Мокки отмахнулся и закатил глаза. Я нахмурилась.

– Мне нужно, чтобы кто-то из ваших людей позаботился о моих воронах, пока меня нет. Позаботиться не означает свернуть им головы, – подчеркнула я. – Это значит кормить, холить и лелеять.

– Договорились, – согласилась Раэль. – Тогда с вас колье. И только попробуйте проигнорировать нашу просьбу: шеф лично удостоверится в том, чтобы вас нашли где угодно. С

очень неприятными для вашего здоровья последствиями. Не говоря уж о плачевной судьбе воров. Но, Мокки, конечно же, мы приносим извинения за нападение на твой дом, – она склонила голову перед шефом воровской гильдии.

Он в ответ плюнул ей на обувь.

Раэль не среагировала. Коротко кивнув мне, она сделала два скользящих шага назад и будто исчезла. На самом деле – профессионально растворилась в тенях, сливаясь с ними в едином танце. Хожение в тенях – это не имеющее ничего общего с магией умение, которое тренируют и воры тоже, но в котором ассасины особенно преуспели.

Мы остались в пещере втроем.

Очень странная компания.

Возле костра откуда ни возьмись появился мотылек. Он, серый и невзрачный, целеустремленно летел к огню – и Тилвас вдруг наклонился вперед и поймал его в ладони у самого пламени. «Ну ты и дурак!» – беззлобно пробормотал Талвани, явив тем самым странную сердобольность, и закрутил головой, прикидывая, куда ему деть насекомое так, чтобы пресечь его попытки романтического самоубийства.

Мы с Мокки переглянулись. Пока аристократ возился с мотыльком – он решил унести его за угол, подальше от соблазнов, – Бакоа успел одними губами шепнуть мне кое-что. Я кивнула.

Да начнется представление.

– А ты в курсе, что все случившееся – это твоя вина, Дже-

ремия? – искривив губы, презрительно и громко заявил Бакоа. – Один вор погиб, многие ранены.

Я вздохнула.

– Мне жаль.

– Тебе *жаль*? – со смешком повторил Мокки. – Это всё, что ты скажешь? Подумай еще немного.

Брови Тилваса, вывернувшего из-за угла, сошлись в одну прямую линию.

– Чем я могу помочь братству? – выдавила я.

– Серьезно? Ты за гибель *помощью* отвечать собралась? Охренеть просто. И чем же тут можно помочь, мне интересно? – развеселился Мокки.

– Я... – Я встревоженно поднялась на ноги.

– Да, ты. Что «я»? Расскажи, будь добра, как ты искупишь чужую смерть? Сто способов наберешь? На десяти сдуешься? А может, и один придумать не сумеешь, а, Джеремя? Ты принесла неприятности в мой дом и теперь должна расплатиться.

– Мокки... – намеренно испуганно протянула я, глядя на то, как он медленно приближается ко мне, не разрывая зрительного контакта и поигрывая бритвой в руке.

Тилвас Талвани быстро пошел к нам.

– Кхм! Господин Бакоа! Какие у вас претензии к Джереми, если это *вы* вовремя не распознали предателя в своей гильдии?

Мокки резко обернулся к нему.

– Лезешь в чужие дела, а, аристократишка? – процедил вор. – Заступаешься за хрупких леди?

– Просто я видел уже достаточно крови на сегодня. Еще одна драка? Спасибо, но нет.

– А если я безо всяких драк тихо и мирно ее прикончу?

– Развлекайтесь. Только не на моих на глазах.

Бакоа окатил Тилваса подозрительным взглядом с головы до пят, будто просвечивающая лекарская лампа.

– Тогда отвернись, – равнодушно бросил он.

И тотчас скользящим шагом подступил ко мне, повернув бритву так, что она опасно блеснула вблизи от моего горла. Вопреки своим словам Тилвас бросился вперед. Он успел схватить Мокки за запястье и занес кулак второй руки для удара, но вор вывернулся и буквально растворился в тени, чтобы мгновение спустя вынырнуть с другой стороны костра. Никакой бритвы у него в руке уже не было.

– А говорил: «развлекайтесь»! – с маньячной улыбкой посоветовал Мокки.

Я во время всей сцены стояла не двигаясь. Вся ссора была задумана лишь как своеобразный тест для аристократа. На благородство и скорость реакции – или на глупость. Как посмотреть.

Тилвас его прошел.

– Он бы меня не тронул, – пояснила я, обращаясь к Тилвасу.

Тот только неопределенно хмыкнул, глядя на нас с Бакоа

уже с куда большим интересом, чем прежде.

– Кто-то действительно погиб? – спросила я у Мокки.

Вор вздохнул. На его лице вновь воцарилось привычное скучающее выражение. Он подошел и традиционно стукнулся со мной кулаками, отмечая разыгранную сценку.

– Да, но это не так трагично, – сказал Бакоа. – Пока ты была в отключке, Раэль любезно пояснила нам, что они как раз таки убили крысу, – и он назвал имя одной из мелких сошек. – Очень жаль, что это случилось быстрее, чем я смог допросить ее. Иначе бы нам не пришлось идти на эту идиотскую сделку насчет колъе, чтобы в итоге узнать имя ублюдка, которому я сначала отрежу все пальцы на ногах, потом на руках, потом... Впрочем, интереснее будет импровизировать на этот счет, – сам себя перебил Мокки.

Я кивнула.

Что ж. Земля пухом предателю.

Потом воровской мастер ткнул пальцем в сторону Тилваса Талвани.

– Что касается тебя, парень... Уж не знаю, кто ты такой *на самом деле*, – многообещающе протянул он, – но, судя по шумихе, ты разозлил кого-то серьезного. И если кто-нибудь предложит мне сделать ставку, я проголосую за твою скорую смерть. Потому что едешь ты с нами или нет, а нянчиться я с тобой не собираюсь. Ты сам по себе, красавчик.

Тилвас в ответ улыбнулся. В свете костра черты его лица заострились, приобретя неожиданно хищный вид. Кажет-

ся, он понял, по каким правилам и в каких амплуа играют в квартале, и теперь готов был отрываться на полную катушку.

– А я всегда был сам по себе, мне не привыкать, – мелодично пропел Талвани. – Так что мой тебе совет: не ставь против меня серьезные суммы, вор. Разоришься. Опозоришься. Расплачешься, в конце концов.

И аристократ картинно смахнул пальцем воображаемую слезинку Мокки Бакоа.

– Ну на-а-адо же, – протянул тот, сузив глаза. – Этот воробушек считает себя саблезубым, а, Джеремиа?

Он пружинисто шагнул к Талвани и уставился на него снизу вверх: Мокки не может похвастаться высоким ростом, тогда как аристократ явно не пренебрегал в детстве кашей.

– Это хорошо, что ты дерзкий, – умилился Мокки Бакоа. – С такими обычно весело. Поначалу. Но постарайся вовремя прикусывать язычок.

– А то что? – улыбнулся Талвани. – В следующий раз не станешь уворачиваться, дашь мне все-таки врезать тебе, как следует?

– Да нет, просто я уже знаю твой секрет, понимаешь ли... – подмигнул Бакоа и нежно обхватил пальцами медальон в виде ворона.

И вдруг случилось неожиданное.

Рука воровского мастера вспыхнула оранжевым светом, и Мокки, невнятно взыв, отскочил аж на два метра, трясая кистью.

– Какого хрена? – зашипел он, глядя то на меня, то на Тилваса, невинно начавшего насвистывать.

– Защита от дураков, а? – ухмыльнулся аристократ.

Мокки повернулся ко мне на пятках:

– Ты говорила, его можно просто сорвать?

– Потому что я просто его сорвала, – удивленно отозвалась я.

И, чтобы не быть голословной, тоже подошла к Тилвасу. Он настороженно замер и посмотрел на меня очень внимательно, но не стал возражать, когда я положила руку на медальон.... Моя рука осталась в полном порядке.

– Защита от дураков. И что это значит? – спросила я Тилваса.

– Что ты не дура? – предположил он.

А потом искренне развел руками:

– Я не знаю, почему он не действует на тебя. Всех остальных мой артефакт всегда бил. Так что твое нападение в карете стало поистине неприятным и необъяснимым сюрпризом.

Мы с Мокки переглянулись, как бы решая: верить словам Тилваса или нет? Бакоа вдруг хрипло расхохотался.

– Знаешь, Джерри, а кажется, не просто так именно тебя приставили к этому гиблому делу... – протянул вор. – Странные дела тут творятся. Напомни мне, пожалуйста, обговорить с заказчиком и этот момент тоже, когда мы привяжем его к стулу. Интересно же. А сейчас – пора готовиться. Мне надо собрать кое-какие сведения и выбрать отмычки

для сейфа в замке Льовезов. Ваша задача – найти нам транспорт для дальней поездки. Встретимся в полночь в таверне Ричарда, что за Рассветным трактом. Вопросы есть?

Я мотнула головой, Тилвас же подмигнул:

– А ты, я смотрю, любишь командовать. Компенсируешь что-то, вор?

Мокки посмотрел на него, как на вошь, недостойную даже грубостей.

– Аррьо, придурки! Выход там, – кивнул он куда-то в глубину тоннеля и, чуть прихрамывая, пошел в обратную сторону.

7

Это будет двойная кража

Claudi vicinus claudicat ipse brevi.

«Сосед хромого сам в скором времени начинает хромать».

Подземный тоннель вывел нас с артефактором в районе Падающих садов – богатом квартале Пика Грез, чьи жители подсобрали денег и насадили вдоль дорог растения, которые – ну надо же, – даже не являются кедрами.

Яркий солнечный свет ослеплял после темных подземных ходов, и мы с Тилвасом шли, отчаянно шурясь. Хотя вскоре оказалось, что артефактор шурился скорее из соображений лукавства.

– Этот Бакоа... – протянул он. – Ты давно в него влюблена?

– С чего ты взял, что я в него влюблена? – мгновенно вскинулась я.

– От тебя несёт влюбленными парами за километр, когда ты рядом с ним.

– Ты под чем-то, что ли? Какими парами?

– Точно влюблена, – подытожил Тилвас.

И чуть погода добавил:

– Это не очень хорошая идея – влюбляться в такого, как он.

– Так, знаешь, нам надо заехать к знахарю. Куплю порошок от склероза, а то я что-то не помню, чтобы я спрашивала твое мнение на этот счет, – процедила я.

– Просто господин Бакоа – опасный человек. Мне кажется, он убивает чаще, чем целуется.

– Ты общался с Мокки меньше суток. С чего ты взял, что у тебя о нем правильное мнение? Может, все, что ты видел, – всего лишь маска, а по жизни Бакоа – гребаный одуванчик?

– Конечно, маска, – легко согласился Тилвас. – Но я клянусь тебе: под ней – совсем не цветочки.

– Еще раз: с чего такая уверенность?

– Может быть, потому, что я не менее опасен, чем он. Или даже опаснее.

Я закатила глаза.

– То есть в тебя тоже влюбляться не надо.

– А что, ты уже готова?..

– К счастью, такая ошибка мне не грозит. У меня аллергия на смазливых бестолочей.

Тилвас расхохотался.

– Ты сейчас пытаешься меня задеть, что ли? Какая прелесть, Джерри.

– Я пытаюсь донести до тебя, что по сравнению с Бакоа ты

нежный котенок, воспитанный в теплом замке да на парном молочке, и да, у тебя в заплечном мешке ворох сомнительных тайн, но то, что ты вообще говоришь о любви и что-то там вслух анализируешь в чужих сердцах, уже разносит вас с Мокки по разным сторонам галактики.

– А. Я понял. То есть ты способна влюбиться только в отбитого социопата. Ну да, тогда я и впрямь в безопасности: томный взгляд Джереми Барк на мне не остановится.

– Смотри-ка, кажется, я и впрямь тебя задела.

– Нет. Зато ты великолепно обнажила свое больное место, дав мне восхитительный рычаг давления – и тему для шуточек на ближайшие две недели... напарница, – мурлыкнул Тилвас и расхохотался, отпрыгивая, когда у него под носом оказался мой кулак.

– Ты бы лучше подумал еще раз, кому ты все-таки насолил, а, Талвани, – процедила я, и аристократ, помрачнев, умолк.

Впереди замаячила конюшня. Тилвас хотел свернуть к ней, но я покачала головой и потащила его дальше. В ответ на ехидное предположение о том, что я собираюсь опуститься до кражи коней, я лишь пренебрежительно хмыкнула.

Нет, воровать коней я не собиралась.

Но для поездки в Лес лжецов, который расположен за цепью болот и гор, гораздо лучше подходили не лошади, а *гаррары* – островные ездовые ящеры, бегающие на двух задних ногах. Усердные и выносливые, гаррары прекрасно выполня-

ли свою работу, однако отталкивали большинство горожан своей непривлекательной внешностью и высоким ценником за аренду. Помню, когда я впервые села на гаррара, у меня в уме еще долго крутилась строчка трагика Бул'гра Фолгоса:

*«Урод, всеми отвергаемый, ты свое дело делаешь
честно,
Но не надейся, что трудолюбие даст тебе место в
чертоге небесном».*

Ремесленников в древней Шэрхенмисте всегда ценили меньше, чем поэтов. Увы.

Мы с Талвани пришли на постоянный двор, на табличке которого был нарисован гаррар с уздой, зажатой в мощной челюсти, и вскоре присмотрели двух красных ящеров.

Оседлав их, мы помчались напрямик к восточному выезду из города – Рассветному тракту. По дороге мы пересекали центральную часть Пика Грёз – мне не хотелось светиться, но, с другой стороны, так мы выигрывали время. Плюс у гарраров были так удобно расположены шипы на шее, что за ними пряталась грудь всадников – и, значит, медальон Талвани.

Самым примечательным зданием в городе была витая башня Сената. Вокруг нее стояли мелкие дворцы старой и новой знати. Пока мы ехали, Тилвас с интересом крутил головой, всматриваясь в гербы, украшавшие их ворота.

Я тоже засмотрелась на них. Гербов было великое множе-

ство. Они все изображали рёххов.

Нужно сказать, что, согласно нашим традициям, рёххи делятся на три ранга: робкие, характерные и неподражаемые. Робких больше всего, много десятков, а вот неподражаемых только двое – альбатрос *эндольф*, повелевающий океаном, и волк *горфус*, хозяин мертвых земель, столетия назад заключенный в призрачную тюрьму.

Но ярче всех в островном фольклоре сияют характерные рёххи: о них повествует множество сказаний и притч, а возведенные в их честь святилища можно найти по всей Шэрхенмисте. Как раз лаковые изображения характерных рёххов столичная знать наносила на деревянные створки ворот – это считалось признаком благополучия и хорошим тоном.

Мы видели панели с рисунками в виде медведя *урсу*, кошки *нихири*, змеи *сайнаджо*... Чьи-то ворота были расписаны целиком: их населяло множество рыб и морских обитателей, чьи имена шли орнаментом вдоль створок.

– Какой нескромный хозяин у этого дома! – хмыкнул Тилвас. – Забрал себе столько рёххов разом.

– Ну так это же морские, – я пожала плечами.

– Тоже верно.

И действительно: тогда как рёххи, проживающие на земле, считались независимыми и самодостаточными, духи моря образовали единый союз. Некоторые исследователи даже выделяли их в самостоятельную категорию: морские рёххи. В сказаниях духи воды всегда выступали заодно. Тот, кто

злил одного, огребал ото всех сразу.

– А у нас в Пике Волн не принято так украшать ворота, – отметил Талвани, задумчиво глядя на особняк, над дверью которого был изображен белый лис *пэйярту*, хаотичный покровитель высокогорных кедровых рощ.

В ответ я хотела буркнуть что-то из серии: «Еще одно доказательство, что мы лучше», но Талвани безмятежно продолжил, не дав мне вставить реплику:

– Кстати, я был не до конца честен с тобой и Мокки.
Так.

Приехали: проблемы, акт второй. Или третий – я уже со счета сбилась.

Я резко дернула за поводья своего гаррара, и ящер мгновенно остановился, застыв, будто камень.

– Так? – повторила я, на сей раз вслух, для Талвани.

Тилвас тоже остановился и, увидев выдающийся уровень моей угрюмости, поцокал языком.

– Ничего криминального, – сказал он. – Просто по поводу замка Льовезов – я захотел присоединиться к вам не потому, что, скажем, боялся остаться здесь один до вашего возвращения, а потому что мне самому нужно туда же. Собственно, посещение замка было одной из целей моей поездки в Пик Грёз. Так что мне до пепла повезло с тем, что ассасины направили вас в ту сторону.

– И зачем тебе в замок? – нахмурилась я.

– Ты не поверишь... – Талвани искренне наслаждался си-

туацией. – Но я тоже хочу его ограбить.

* * *

Я поняла, что такой разговор не стоит начинать в центре города.

И вообще лучше вести его в присутствии Мокки – чтобы дважды не тратить свои душевные силы на удивление и ярость. А так: сейчас я спокойно подожду вечера, а там Бакоа живенько среагирует за меня.

Так что я непререкаемо захлопнула распахнувшуюся ва-режку Талвани:

– Надо уехать из столицы как можно скорее. Поговорим потом.

Мне и впрямь хотелось быстрее покинуть город. Ведь Ратель сказала, что Алое братство проследит за тем, чтобы нас не искали именно в Лесу лжецов – а в столице опасность оставалась на прежнем уровне. То, что ассасины не отказались от нападения на Полуночное братство, означало, что заказчик, вероятно, занимает высокую должность. Возможно, в Ратуше. Либо в Скалистом или Военном ведомстве⁴. Ассасины, не будь дураки, не стали бы перечить тем, кто в состоянии развалить весь Квартал Гильдий. Или, возможно, это был какой-то личный заказ для архимастера Алого брат-

⁴ Скалистое ведомство – главное министерство Шэрхенмисты, занимается внутренними делами.

ства...

Так или иначе, как бы я ни размышляла на тему того, кто мог подставить меня, а теперь жаждать моей смерти, ни одно конкретное имя и ни одна причина не приходили мне в голову. Говоривший со мной клиент в костюме купца явно был просто посредником.

Талвани тоже ограничивался лишь задумчивым «гхм» всякий раз, когда мы с ним – неминуемо и неумолимо – поднимали эту тему по дороге к таверне Ричарда. По пути мы сделали два перерыва: сначала остановились у магазина одежды, а затем – у магической лавки, построенной неподалеку от Рассветного тракта, у водопада.

Это лавка, пусть и небольшая, спрятанная в кедровой роще и почти незаметная на фоне темной скалы, имела хорошую репутацию: сюда заглядывали за зельями, артефактами и книгами многие столичные колдуны. Так и сейчас: пока я выбирала зелья и маг-свитки, не лишние для дела, рядом со мной придирчиво изучали сушеные травы два заклинателя в традиционных таори рубинового цвета, длиной до колена. Их черные лобы были вышиты защитными рунами, красные бусины, вплетенные в пряди волос у лица, напоминали о том, что заклинатели нередко проливают свою кровь, защищая Шэрхенмисту от темных духов, сущностей и тварей.

– В Плачущей роще объявились браксы, представляешь, – сказал один заклинатель другому. – Мы с трудом их обуздали. Пока непонятно, появились ли они сами или кто-то при-

звал их и потом не прибрал за собой.

– Кошмар. Так близко от города... Если это дело рук заклинателя, он должен понести наказание.

– Будем разбираться.

Итак, браксы оказались из числа темных сущностей, а не редким видом гончих... Значит, среди наших преследователей есть как минимум один колдун. Плохо.

Я не стала обсуждать это с Тилвасом, ждавшим меня у гарраров. Через пару часов после заката мы с аристократом достигли таверны Ричарда и, в ожидании Бакоа, разошлись по своим комнатам.

Как и все воры, я особенно ценила комфорт, потому что знала, что в любой момент пуховая перина может смениться жесткими нарами. Так что я предпочла потратить свободное время на себя.

Я приняла душ, старательно отскоблила с себя дорожную пыль и грязь, а потом долго нежилась в деревянной ванне. Когда я вылезла, вся комната была затянута густым молочным паром. Я ладонью протерла зеркало и посмотрела в свои уставшие серо-зеленые глаза.

Привет, Джереми Барк. Еще один прожитый день на твоём счету. Sub specie aeternitatis⁵, не такая уж победа, но... Все равно поздравляю.

Я уже потянулась к одежде, когда вдруг за распахнутым окном начался дождь. Такой шумный и сильный – настоя-

⁵ С точки зрения вечности.

щий весенний ливень, да еще и с грозой. Раскаты грома пришли внезапно, будто выплыли откуда-то из-за горизонта и разом обрушились на весь лес и таверну.

Я застыла перед зеркалом. Мои зрачки непроизвольно расширились. *Нет. Я не боюсь. Я не должна бояться.*

Следом за страхом – неизгоняемым и позорным – пришла ноющая боль в старых ранах, моя верная спутница во время грозы. Сжав зубы, я отвернулась от зеркала и через плечо долгим взглядом окинула свои лопатки и поясницу.

Да... Спина у меня, конечно, отстой.

Всю кожу от плеч вниз сплошняком покрывали золотые узоры татуировки: странная, оскорбительно кривая вязь, в один момент обрывающаяся, незаконченная. Уродливая, яркая, безвкусная.

Я ненавижу татуировки.

Всей душой.

В Шэрхенмисте наколками клеймят людей двух типов: убийц и госслужащих. По мне и то, и то – отнюдь не завидная судьба. Но то, что прячется под моей татуировкой – еще хуже, чем золотая краска...

Шрамы. Много выпуклых страшных шрамов в виде непонятных символов, которые не удалось свести ни одному из подпольных лекарей, – поэтому я «забила» их поверху татуировкой. Что не мешает шрамам болеть во время грозы, горючить и саднить, как свежая рана.

Закорючки, черточки и точки. Неизвестный код, неиз-

вестный язык. Тот самый шифр, который я так хочу – и боюсь – разгадать. И, возможно, с допуском в библиотеку Сената разгадаю.

Я открыла кран с ледяной водой и, сцепив зубы, начала прижимать мокрые холодные ладони к коже, стараясь остудить ее. Вскоре стало полегче.

В комнату постучались. Я завернулась в полотенце и пошла открывать.

– Твоя агрессивная любовь прискакала: ждет внизу и бьет копытом, – отрапортовал Талвани, оказавшийся на пороге.

Аристократ тоже прихорошился и приоделся. Его мокрые после душа каштановые волосы слегка завивались. Он окинул меня в полотенце заинтригованным взглядом, а потом – то ли вспомнив о приличиях, то ли заскучав, – перевел глаза куда-то мне за спину. На мгновение на его лице скользнуло удивление, но он тотчас тщательно его потушил.

– Сейчас спущусь, – кивнула я и захлопнула дверь.

Обернувшись, я поняла, что Талвани смотрел на зеркало в дальнем конце комнаты. И в зеркале этом минуту назад отражалась моя татуированная спина.

В таверне у Ричарда

Animi nostri sunt inimici nostri.

«Наши чувства являются нашими врагами».

Вскоре мы втроем сидели в самом темном углу таверны.

На самом деле таверна Ричарда представляла собой целый комплекс из нескольких домиков-гостиниц. На первом этаже каждого был расположен зал для еды и увеселений, выше находились спальни. Здесь отдыхала публика всех сортов, потому что это было самое крупное заведение на Рассветном тракте – таверна виднелась издалека, а для уставших путников зачастую именно это являлось главным показателем успеха.

Сам Ричард – кошкоглавый толстяк в расшитом алом халате, приехавший из пустынь Иджикаяна – славился тем, что каждый вечер величаво обходил свои владения, дом за домом, что-то гортанно урча и подергивая ушами с кисточками. Сегодня мы уже успели лицезреть это зрелище: томный кот, плавно рассекающий толпу постояльцев... И потом так же гордо исчезающий во тьме.

Мне кажется, Ричард в такие моменты чувствует себя прямой столичной оперы. Возможно, ради таких моментов он и живет.

Сейчас зал был забит посетителями, официанты так и сновали туда-сюда, как серебристые рыбки. Остро пахло жареным луком и копчеными осьминогами, симпатичная барменша щедро наливала всем сливовое вино из прозрачного кувшина. Сквозь стекло было видно, как буро-лиловые плоды болтаются там, сталкиваясь и медленно расплываясь по сторонам.

Мокки Бакоа, нимало не смущаясь людей вокруг, протирает и полировал многочисленные отмычки, разложенные на столе длинным рядом. Раненую руку вора уже подлатал знахарь-пилигрим, и теперь Бакоа ловко крутил острые щупы между пальцами.

Я проводила ревизию магических свитков, купленных по дороге в таверну, а Талвани объяснял, что *он* хотел украсть в замке Льовезов. И зачем.

– Как я уже рассказал Джереми, я артефактор. И сейчас я работаю над одним проектом, для которого мне не хватает пары вещей. Ради этих вещей я и приехал в Пик Грёз. Одна из них – древняя статуэтка пэйярту, которая хранится в родовом склепе замка Льовезов.

– Пэйярту? – проворчал Мокки Бакоа. – Это миленькая беленькая лисичка?

– Этот безжалостный белый лис, – со смешком поправил

Талвани, потом кивнул мне: – Мы с тобой сегодня видели его изображение на воротах.

– Да, я помню.

– Прекрасно. Собственно, я хочу украсть статуэтку из замка.

– Почему не купить? – вскинула бровь я.

– Так у меня же есть вы, замечательные воры. К чему тогда лишние траты? – Талвани широко улыбнулся и, откинувшись на спинку стула, самодовольно отхлебнул вина.

Мокки аж притормозил в полировке: так и замер с тряпочкой в руке, и лишь опасно прищурил глаза, глядя на Тилваса исподлобья. Я тоже была слегка удивлена такой бессовестностью благородного господина.

– Сгорел сарай, гори и хата? – Я флегматично глотнула вина.

– Да, гулять так гулять, – так же поговоркой беспечно ответил аристократ.

– Гхм. С каждой твоей репликой я всё больше понимаю тех, кто заказал твое убийство. Может, мы им зря мешаем?

– Джерри, учитывая, сколько денег пообещал мне аристократишка, мы можем просто сами потом заказать его тем же Алым, – подумав, хрипло хмыкнул Бакоа. – А пока... Признаться, мне нравится такой настрой, – и он, отложив отмычку, одобрительно поднял чашу с вином. – Единственное, меня напрягают подобные совпадения. Как бы нам убедиться в том, что ты не врешь, Тилвас? И что все это – не одна боль-

шая подстава?

– Я *клянусь*, что это не подстава.

– Очень смешно. С каких пор клятва незнакомца чего-то стоит? Только не вздумай оправдываться голубой кровью. Почему у тебя, кстати, не синие волосы, если ты знатный шэрхен?

– Моя мать из Шолоха. Ее гены оказались сильнее.

– А. А ведь ты из угасшего рода. Значит ли это, что вся твоя семья мертва?

– Мокки! – воскликнула я, пораженная его бестактностью.

Но Тилвас ответил.

– Насколько я знаю, – он пожал плечами, – мои отец и матушка здравствуют где-то в Лесном королевстве. А вот все, кто жил здесь, в Шэрхенмисте – да, мертвы. Ты хочешь знать подробности, вор?

В последние слова артефактора, произнесенные безупречно светским тоном, неожиданно прокралась настолько горькая нотка, что волосы встали дыбом у меня на загривке. По таверне будто пронесся холодок нехорошей смерти. Мокки, не моргая, медленно покачал головой и вернулся к полировке. Какое-то время мы молчали.

Потом Бакоа хлопнул ладонью по столу:

– Вернемся к насущным делам. В замке мы разделимся. Я достану колье, а вы вдвоем развлекайтесь в склепе.

– Даже так? – Тилвас удивленно вскинул брови. – Я думал,

я пойду за статуэткой один. Неужели ты не будешь ревновать ко мне свою Джеремию?

Я пнула Тилваса ногой под столом. Лицо Мокки застыло.

– С чего бы я должен ее ревновать?

– Вас двоих явно связывает нечто большее, чем ваша, с позволения сказать, профессия. Я имею в виду: едва ли такой человек, как ты, вор, по первому щелчку рванул бы через полстраны на сложную кражу ради случайной коллеги, да еще и оставив своих ребят в непростой ситуации. И на «просто друзей» вы не похожи. Откуда такая близость?

– Тилвас, – тихо, с угрозой сказала я.

– Что? Я просто хочу знать, почему этот псих так с тобой носит.

– Я с ней не ношусь, – процедил Бакоа.

– Вас связывает общая тайна? Ты ее личный телохранитель? Или все куда банальнее: вы просто спите друг с другом – на постоянной основе или так, для развлечения, по выходным?

Мокки вцепился в края стола так, что, казалось, был готов перевернуть его. Лицо вора побледнело.

– Радуйся, аристократишка, что у меня сегодня мирное настроение, – сузив глаза, наконец отчеканил он. – Что касается Джереми Барк: она для меня никто. Мне на нее плевать. Я всегда делаю только то, что мне выгодно, ясно?

Мокки залпом допил вино, с грохотом поставил бокал на стол и, поднявшись, пошел через зал к скрипящей винтовой

лестнице – и наверх, в свою комнату. Я вспыхнула, с неудовольствием понимая, что глаза у меня защипало от обиды.

Тилвас Талвани сидел как ни в чем не бывало.

– Что ты творишь вообще?! – рявкнула я.

Он задумчиво пожал плечами:

– Оцениваю вашу с вором эмоциональную беззащитность.

Надо же знать, с кем иду на дело.

Я замахнулась ножом и резко воткнула его в стол между раскрытых пальцев руки артефактора, лежащей возле тарелки.

– Э-э, – сказал проходящий мимо официант, но подробнее комментировать не рискнул.

Талвани только моргнул.

– Беззащитность идет в задницу, – раздельно сказала я, поднимаясь и тоже направляясь к лестнице.

* * *

Я уже ложилась спать, когда в мой номер постучались.

Тот же стук, что до ужина. Я проигнорировала его, лишь накрыла голову подушкой, чтобы не слышать. Стук затих.

В свете луны, наискось падающем на пол, я увидела, как под дверь просовывается записка. «*Прости*», – было написано на ней незнакомым почерком.

Я скомкала записку и вышвырнула в окно.

Наш путь лежал через южный регион острова, где гористая местность неожиданно сменялась топкими болотами и обратно.

После сцены в таверне Талвани больше не докапывался до нас с Бакоа и в целом вел себя как душенька. Нередко случалось, что наши разговоры со стороны могли показаться и во все дружескими: Тилвас хорошо разбирался в истории, литературе и искусстве, и я с огромным удовольствием поддерживала такие беседы. Мокки вклинивался с теми или иными комментариями и вопросами, заданными нарочито презрительным тоном, но ответы слушал со всем вниманием.

Мы неплохо проводили время.

Мы даже шутили, небо прости.

Но по большей части, конечно, разговоры крутились вокруг плана грядущей двойной кражи. К счастью, у нас и до заказа ассасинов хватало данных о том, куда мы едем, потому что замок был одним из богатейших угодий Шэрхенмисты, и каждый вор в свое время прикидывал, чем и как там можно поживиться.

Самым интересным считался верхний этаж поместья, где находился пресловутый сейф с кучей фамильных драгоценностей и важными документами – герцог Льовез возглавлял Торговое ведомство. На этом этаже всегда было много охра-

ны, замков и ловушек-заклинаний. Туда по нашему плану отправлялся Мокки – в гордом одиночестве, действуя классическим воровским путем – то есть пробираясь тайно и скрываясь в тенях.

– А почему ты отказывался обнести этот сейф несколько лет подряд, если на самом деле столь многое знаешь о замке и можешь подготовить кражу за пару дней? – подозрительно нахмурился Тилвас Талвани.

– А я что, ручная собачка, что ли, чтобы брать все заказы подряд? – фыркнул Бакоа. – К тому же ограбить сейф Льовезов можно лишь единожды. А вот отказываться от ограбления, тем самым повышая ставку и свою будущую оплату, можно сколько угодно раз. Это бизнес, аристократишка. Благодаря моим отказам у этого сейфа невероятная репутация Невзламываемой Жести – не сказать, чтобы совсем не заслуженная, но...

– Так ты спекулянт? – хмыкнул Талвани.

– Я гений, – отрезал Мокки.

Тилвас посмотрел на меня и эдак недоверчиво вскинул бровь: *правда гений, что ли?* Я пожала плечами: *считай как хочешь.*

Я действительно не знала, можно ли назвать Бакоа столь громким словом, но он определенно был лучшим вором в Пике Грёз и окрестностях.

Сейчас большую часть его времени занимало управление Полночным братством, но иногда Мокки выходил на поле-

вую работу, для поддержания статуса и просто ради развлечения, – и обычно об этих кражах еще долго говорила вся столица.

Собственно, именно так он и заработал свою репутацию, когда мы с ним появились в городе. Бакоа своровал ряд предметов, кража которых считалась невозможной, и каждый раз оставлял на месте преступления свой знак – высушенный рыбий скелет. Этим Мокки создал себе некий полусказочный образ – газеты называли его «Рыбья Косточка», намекая, что он встал поперек горла властям и гильдийским вора́м.

И только потом, уже прославившись таким образом, Мокки явился на порог Полуночного братства – самого хилого и вялого из трех воровских сообществ.

Две другие гильдии – братство Скользких и братство Сломанной отмычки – были озадачены таким пренебрежением со стороны знаменитого вора. Казалось бы, он мог выбрать лучших, разве нет?.. Но аппетиты Бакоа шли дальше, чем просто членство в гильдии.

Меньше года потребовалось Бакоа, чтобы сместить бывшего папочку Полуночи и самому стать шефом. А потом заменить и всю старую команду, ибо: «Если вы предали его, ребятки, то предадите и меня. У вас есть пять секунд, чтобы покинуть помещение. Аррьо!»

Еще через год Бакоа стер с лица земли Скользких и Сломанную отмычку. Кто-то перешел в братство Полуночи, дру-

гие просто бросили «профессию», третьих – особо упирающихся – ждали неприятные последствия. Под единоличным началом в Квартале Гильдий, всегда бурлящем от интриг и борьбы за власть, воцарился непривычный порядок.

Мокки приходилось крепко держать бразды правления. Я знала, как ему важен порядок (до маниакальной одержимости) и сколько сил отнимает у него управление кварталом, давая в ответ чувство удовлетворения, психическую стабильность и, конечно же, деньги.

Возвращаясь к теме Рыбьей Косточки: из-за огромного количества «шефской» работы эта ипостась Мокки поблекла, однако не сгинула совсем. Так, в таверне у Ричарда я заметила, что главный вор куда-то дел скелет окуня со своей тарелки...

В общем, с сейфом у нас в принципе все было схвачено.

Помимо дорожного колье в замке Льовезов был интересный склеп – огромное древнее захоронение. Именно в нем находилась фигурка белого лиса пэйярту, которую хотел добыть Тилвас Талвани. В этой части плана – немудреной, но симпатичной, – главной оказалась я.

Наконец мы приехали к Лесу лжецов.

На его границе располагался небольшой, однако весьма благополучный городок: наряду с обычными домами и зданиями вроде почты или аптеки здесь была хорошая гостиница, парфюмерный дом, театр... И симпатичное ателье готового платья. После заселения в номера и легкого ужина, во

время которого я активно прислушивалась к разговорам за соседними столиками, Мокки ушел на разведку, а я потащила Тилваса Талвани именно в ателье.

– Я думал, расхищение склепа предполагает лопаты и фохари, а не новые сапоги, – вскинул брови Тилвас, когда я указала ему сначала на вешалки, а потом на примерочную.

– До гробницы надо еще добраться, – отозвалась я, прихватывая вечернее платье цвета ночного неба. – В склеп Львовезов нет входа с улицы. Только тайная лестница, начинающаяся в одной из комнат.

– А ты-то откуда знаешь?

– Давно присматривалась к этому захоронению.

– Могилку забронировать надеешься?

Я смерила его уничижительным взглядом.

– Тебе повезло, Талвани. Обычно я не занимаюсь кражей артефактов из частных владений, потому что это приносит слишком много хлопот, но все-таки... Все-таки я записываю некоторые дома в список желаний, назовем это так. На будущее, если вдруг захочется заморочиться.

– То есть мы с тобой идем в гости в замок, – подытожил Тилвас уже из соседней примерочной.

Я в своей старательно обматывала талию поясом с вышивкой в виде звезд. Пояс был таким длинным, что, даже завязанный, спускался почти до пола. В остальном платье казалось прекрасным: подол и лиф из плотного шелка, широкие тюлевые рукава, закрытая спина, что для меня немаловажно.

– Не просто в гости, а на свадьбу дочери хозяина. Она состоится через три дня, и туда приглашено множество людей. Как раз успеем как следует подготовиться.

– Ненавижу свадьбы, – сказал Тилвас.

– Я тоже.

Свадьба в тенистом замке

В Шэрхемисте есть шесть университетов, каждый посвящен одному из богов-хранителей. Самый крупный и престижный – университет имени Рэндома в Пике Волн. Самый дорогой и закрытый – университет имени Селесты, расположенный на уединенном западном побережье.

Quo quisque est doctior, eo est modestior.

«Насколько человек образован, настолько он скромн».

– Нам нужно как-то тебя страховать? – полюбопытствовал Тилвас, когда в день кражи мы с Мокки прощались возле лесного тракта.

Сосновый бор был полон багряных всполохов закатного солнца: овраги стремительно погружались в сумрак, но верхушки деревьев все еще затапливала янтарная патока, дарующая ощущение спокойствия и благополучия. Темно-зеленую траву и кустарники расцветчивали сизые горошины ягод под названием «Поцелуй зимы». Если наступить на такую

ягоду, она лопнет с тихим хлопком, и вверх взмоет облачко, пахнущее снегом и корицей.

Выглядели мы втроем, конечно, зажигательно.

Я в шикарном платье – шелк и серебряная вышивка; Тилвас в изумительных брюках и плотном красном таори.

И мелкий Мокки в черном комбинезоне – как приبلудившаяся сирота.

– Вам нужно разобраться со своей миссией так, чтобы не поднять весь замок на уши, придурки, – процедил Бакоа, накидывая глубокий капюшон своего воровского наряда и проверяя инструменты на поясе. – Если тут кому-то кого-то и стоит страховать, так это мне вас. Вот только я не из племени альтруистов – поэтому просто постарайтесь не сдохнуть. А если и сдохнуть, то хотя бы не выдав мое присутствие перед этим.

– Хм, а ведь это идея, – прикинул Талвани, элегантно отбрасывая волосы со лба. – Если что не так, сразу орём: «В библиотеке вор! В библиотеке вор!» Они отвлекаются, мы выживаем. Что скажешь, Джеремиа?

Я двинула бровью:

– Выжить, чтобы потом призрак Мокки ныл у меня над ухом до глубокой старости? Сомнительная перспектива.

– Ныл? Что значит – «ныл»? – оскорбленно прошипел Бакоа. – Я буду душить тебя цепью, как минимум.

– Что-то я не вижу цепи на твоём комбезе.

– Ничего, сейчас в замке специально прихвачу. Первым

делом, – пообещал он.

Тилвас закатил глаза:

– Многоуважаемые воры, я рад, что вы так активно готовитесь к своим посмертным ролевым играм, но я предпочитаю все-таки двинуться на праздник. Джерри? – Он подставил мне локоть.

Мокки изобразил, что его тошнит при виде того, как мы чинно стоим под ручку, и, шагнув назад, бесшумно исчез в овраге. Лесные кусты шевелились по очереди сообразно тому, как вор удалялся.

Мы с Тилвасом наняли кеб и в нем легко проникли на территорию замка, представившись родственниками со стороны жениха, после чего успешно затерялись в праздничной толпе, гуляющей по освещенному саду. На гравийных дорожках тут и там светлели высокие фуршетные столики, уставленные изысканными закусками. Прямо в землю были воткнуты факелы, дающие не только свет, но и тепло – лица гостей играли румянцем, многие кокетливо раскрывали веера.

На празднике действительно было очень много людей – замок Льовезов, хоть и находился в глуши, считался одним из крупнейших поместий на юге острова.

Играла музыка – в темном углу сада сидела арфистка, создавая нежную атмосферу для тех, кому мила романтика, а ближе к главному входу расположилась группа с флейтами. Мимо нас на руках проходили артисты, полностью покрытые золотой краской, официанты разносили на подносах делика-

тесы – кукушкины сердечки, щечки гаранов, малину, вымоченную в терпком вине. В центре сада была огорожена территория, полностью засыпанная тлеющими углями, и над ними на вертелах жарились бобер, павлин и лиса – прямо в шкурах. Мало кто из гостей радовался таким традиционным блюдам, и Тилвас тоже поспешил отвернуться.

Настроение у него, кажется, испортилось. Я заметила, что он равнодушен к животным, и в моих глазах это определенно прибавляло ему очков.

– Возьми меня под руку, – процедил Талвани.

– С чего бы это? Тебе подурнело от роскошеств, бедняга?

– Нет, просто ты ведешь себя неприлично. Ты леди, а идешь, сложив руки на груди. На тебя все смотрят.

– Они смотрят на меня потому, что я красотка, – строго сказала я и морально приготовилась к какой-нибудь словесной оплеухе из серии «Ага, надейся».

Но Тилвас только улыбнулся этой своей странной, обволакивающей улыбкой – когда верхняя губа поднимается так, что видно десну, большинству такое не идет, а ему почему-то даже очень, – и повторил:

– Возьми меня под руку. А то кто-нибудь решит, что ты свободна, а вовсе не моя пара, и уведет тебя в танец. Тебе это надо, воровка?

– Ты не поверишь... – усмехнулась я.

Как будто в подтверждение слов Талвани к нам целенаправленно пошел молодой человек, отделившийся от групп-

ки разговаривавших у фуршетного столика гостей. Он нес два бокала с вином из лепестков лотоса и – да – явно двигался с ними ко мне, предварительно скользнув по Тилвасу неуверенным взглядом.

– Учти, он нормальный и скучный. Вряд ли в твоем вкусе, – через плечо бросил мне артефактор перед тем, как отойти.

Я с нежной улыбкой встретила незнакомого юношу. Мы очаровательно поболтали и потанцевали, в ходе чего я выяснила, что вон тот паренек в голубом таори – сын хозяина замка. Я возжаждала с ним познакомиться, чтобы поблагодарить за отменный вечер. Пока я благодарила, по ходу дела незаметно вытягивая информацию о том, где именно в замке открывается потайная дверь в склеп с сокровищами, вокруг нас образовался небольшой кружок.

Хотя нет, даже большой.

Я оглянулась через плечо, надеясь, что самовлюбленный Тилвас Талвани видит, какой бешеной популярностью я пользуюсь на вечере, и с удивлением обнаружила, что он тоже не скучает – флиртует, небо голубое, с самой невестой.

А сзади сиротливо жметесь жених. Класс.

Мои кавалеры жаждали танцевать, и мы танцевали. Я всей душой любила танцы и обожала находиться в центре внимания. Воровская стезя не удовлетворяла мою тягу к тому, чтобы на меня смотрели десятки глаз одновременно, поэтому я искренне наслаждалась сегодняшним вечером.

Я скучала по сцене.

По гулкому стуку каблучков о паркет. По скрежету сменяемых декораций. По тому, как публика с подмостков воспринимается единым миражным существом – вскрикивающим, задерживающим дыхание, подающимся вперед в напряженных сценах... Я скучала по той диковинной струне в душе, протянутой будто бы из другого мира, возникающей, когда на сцене ты забываешь, что люди вокруг тебя – не герои трагедий, а твои друзья, с которыми вы еще десять минут назад хрипло смеялись, подначивая друг друга перед спектаклем, и с которыми потом будете кутить всю ночь, после чего наутро мастер Хлогекс просто уничтожит вас на поэтике, силясь внушить, что вы не только актеры – *бестолочи, эгоцентрики, извращенцы*, – но еще и словесники...

По ходу танцев я цепляла на рукава своих кавалеров крошечные дымовые артефакты.

Их целый день мастерил Тилвас Талвани. Мокки просто сгрузил колдуну на колени гору материалов, заявив:

– А это будет *твоя* плата за *нашу* помощь тебе с кражей статуэтки.

Тилвас возражать не стал – зачаровал все как миленький.

Артефакты были нашей мерой предосторожности: если у Мокки вдруг что-то пойдет не так, я нажму специальную кнопку, и две дюжины блестящих гостей вдруг начнут дымиться по-страшному. Охрана, какой бы вышколенной она ни была, отвлечется – и нам будет легче сбежать.

Впрочем, бакоаские «планы Б» я больше всего люблю за то, что до них обычно не доходит.

Объявили танец *фацхель* – общий танец, в котором каждые тридцать два счета идет смена партнера. В один прекрасный момент напротив меня оказался Тилвас Талвани.

– Ты, кажется, говорила, что не любишь свадьбы? – напомнил он. Его рубашка уже была расстегнута на одну пуговицу ниже положенного, а волосы как-то задорно взлохмачены – интересно, кто тому виной?

– Я не люблю тот момент, где все клянутся друг другу в вечной верности и сморкаются в носовые платки, – уточнила я. – Пока до этого не дошло, мне тут замечательно. А ты что, заскучал, артефактор?

– Да. Потому что у меня чуть более изысканный вкус, – усмехнулся он. – Но я понимаю, что тебе даже такие праздники в новинку. Не волнуйся, я не собираюсь отбирать у тебя конфетку. Наслаждайся: это действительно приятно – иметь допуск в высший свет. Хотя бы разок за всю жизнь.

И он резко наклонил меня к земле – как, Впрочем, и полагалось по рисунку танца.

– Ты так старательно возводишь между нами стену социальной пропасти, – проворковала я, – что у меня возникают сомнения насчет того, насколько ты все-таки аристократ. Очень уж явные комплексы. Ты не бастард часом, милый?

– Это не комплексы. Просто мне интересно, что еще тебя может задеть, кроме беседы о том дёрганом психе, который

сейчас корячится по внешней стене замка на уровне третьего этажа.

Я невольно вскинула глаза вверх после этих слов. Но никакого Мокки среди плющей, густо увивавших здание, не было.

– Пф. Ну уж точно не общественное положение. – Я сдула с глаз упавшую прядку волос.

– А почему? – Тилвас закрутил меня против часовой стрелки и после прижал к себе спиной, покачиваясь то вправо, то влево. – Ты же воровка. Зачем ты ворует, если тебе плевать на материальные блага?

– Мне не плевать. Но они не имеют никакого отношения к моей самооценке. Я хороша что с деньгами, что без них. Что в дорогом платье, – я кокетливо повела плечом, – что в дерюжном мешке.

– Я уж думал, ты скажешь: «...что без него», – вздохнул Тилвас Талвани. – Ай, думал, этот вечер становится интереснее.

– И не надейся.

Круговорот танца вновь сменил направление. Звуки лютни стали тише, на первый план выступил напряженный бой барабанов: привет, интерлюдия! Это был самый активный этап фацхеля, где партнерам приходилось хорошенько попотеть.

Обычно эту часть танца опускали на праздниках: она считалась слишком древней и сложной. Ее не учили просто так,

для развлечения, однако при этом фацхель считался традиционным танцем шести шэрхенмистских университетов – студенты гуманитарных направлений исполняли интермедию на зимних праздниках. Немного странно, что эту часть танца решили вставить в сценарий свадьбы... Хотя, наверное, хозяева хотели подчеркнуть классическое образование дочери и ее жениха.

Многие покинули круг, и Тилвас вроде как тоже дернулся в сторону с площадки, но я никуда не торопилась. Аристократ удивленно приподнял бровь, увидев мою упрямую готовность плясать, и почти незаметно пожал плечами: *ну как хочешь*.

Под бой барабанов мы с Тилвасом переплели пальцы и стали быстро сходиться-расходиться, разворачиваться, подпрыгивать и подныривать под руки, иногда резко отпуская друг друга и делая ритмичные хлопки то над головой, то у бедер. В нужные моменты мы и остальные пары поочередно выкрикивали слова старинного университетского гимна – призывы радоваться проявлению жизни в каждой капле дождя и каждом падающем лепестке цветущей вишни. Всякий раз тяжелые удары гонга подчеркивали эти слова. Со стороны все это было больше похоже на нарочитую театральную сценку, чем на танец, – так и задумывалось.

– Где ты выучила шаги интерлюдии? – выдохнул Тилвас, когда эта часть танца закончилась, вновь сменившись стандартным ритмом.

Мы оба были раскрасневшиеся, довольные, и я невольно рассмеялась:

– Undae occultae arcanos tenebras celat!

«*Таят в себе секреты воды темных волн*» – это была еще одна строка из студенческого гимна.

Тилвас пытливо прищурился:

– Да кто же ты такая, Джеремиа Барк?

– Кто *ты* такой, Тилвас Талвани? – подмигнула я. – Что, ты уже готов сменить нашу политику обмена секретами – начать раскрывать карты?

– Мм, нет, ни в коем случае. Просто до опасного очарован. Ностальгия – мое слабое место, признаюсь.

– Неужели факультет артефакторики в Пике Волн был настолько хорош?

– Я учился не на артефакторике, а на тварях, сущностях и духах, – спокойно сказал Талвани, глядя мне в лицо.

Мои глаза округлились от изумления.

– Подожди, Талвани. Какого гурха ты не сказал, что ты заклинатель? Колдовство облегчило бы нам жизнь во много раз!

В отличие от артефакторов, которые зачаровывали магические предметы в спокойной обстановке, размеренно, используя те и другие инструменты, колдуны-заклинатели умели обуздывать энергию «в моменте», творя полноценные магические формулы. Их профиль был гораздо шире: и боевые плетения, и призывы сущностей, и всевозможные ритуалы,

связанные с сущностями и тварями, населяющими архипелаг... Кроме того, заклинатели владели холодным оружием, что тоже было не лишним.

Я непонимающе смотрела на Талвани.

– По определенным причинам я не могу применять заклинательские плетения, – он покачал головой.

– Так ты поэтому стал артефактором? Или все-таки из-за своего медальона?.. Или эти две вещи связаны, а, Талвани?

Тилвас загадочно-беспечно пожал плечами: мол, а фиг меня знает. Но мне не нужно было слышать ответ, чтобы понять: я на шагок приблизилась к разгадке его тайн. И, что любопытно, Тилвас явно упомянул про свой факультет, чтобы увидеть мою реакцию.

Спрашивается: зачем?

Вдруг нас прервали.

– Вы уже три тура танцуете вместе, весь круг из-за вас стопорится! – прошипел один из организаторов праздника, подскочив к Талвани со стороны. – Либо меняйте партнершу, либо выходите из игры и не мешайте остальным получать удовольствие!

– А потом удивляются, что в стране сплошные измены... – пробормотал аристократ, покидая круг танцующих.

На его место тотчас подскочил кто-то из ожидавших. Пару туров спустя я до конца распределила все свои «дымовушки» и вышла. Я хотела найти Талвани и отправиться в склеп, но вдруг мне в глаза бросилось нечто очень странное.

А именно: у одной из девушек, разносивших напитки, на груди болтался... медальон с двуглавым вороном.
Точь-в-точь, как у Тилваса Талвани.

Остров Нчардирк – слышали о таком?

*«Hic sunt rehhes» – «Здесь обитают рёххи» –
фраза, которую наносят на картах Шэрхенмисты
со стороны безымянных северных островков.*

Я встала столбом, всматриваясь в амулет незнакомки и пытаюсь понять, не кажется ли мне. Но нет, все было верно: такая же гордая черная птица, серебряная оправа, холодный блеск черного стекла.

В остальном девушка-подавальщица ничем не отличалась от своих коллег, работавших на празднике. У нее были светло-льняные волосы, слегка отдающая синевой кожа, как у жителей северных островов, широкие штаны и туника до середины бедра – так выглядел весь персонал на свадьбе.

Я, энергично пробираясь между танцующими, рванула к ней.

Девушка с вежливой улыбкой замерла, предлагая мне взять напиток с серебряного подноса. Я так и сделала, а по-

том как бы невзначай бросила:

– У вас красивый амулет.

– Благодарю, госпожа, – пискнула подавальщица.

По правилам ей нельзя было много болтать с гостями.

– У него есть какие-то магические свойства? – не отставала я.

– Нет, госпожа, – мило ответила девушка и хотела было уйти дальше со своим подносом, но я решительно преградила ей путь.

– А можно я рассмотрю его поближе? Люблю необычные украшения. Если позволите, я здесь же, при вас, его изучу и верну вам, – широко улыбнулась я.

Девушка заметно смешалась, глаза у нее забегали.

Ага. Значит ли это, что передо мной стоит еще одна жертва медальонной магии? Неужели, если я сдерну с нее амулет, подавальщица тоже попробует откинуться?

Пока девушка мялась, я завертела головой, пытаюсь углядеть в толпе Тилваса. Вот только я не знала даже, что будет лучше: позвать его посмотреть или, наоборот, скрыть от него факт присутствия тут коллеги с загадочным амулетом?..

– Вы можете рассмотреть мой медальон, если хотите, – наконец сказала девушка, немало удивив меня согласием. – Только я не могу сейчас поставить поднос, и я боюсь, что будет выглядеть неприлично, если вы начнете сами расстегивать его на мне. Если вам он настолько интересен, я могу найти вас ближе к концу вечера и... подарить вам его.

– Подарить?! – вот тут я ахнула.

– Да, – девушка пожала плечами. – У меня дома есть еще парочка таких.

– Я думала, это уникальное украшение.

– О нет, госпожа! Совсем нет! – живо запротестовала подавальщица. – Это просто сувенир. Я родом с острова Нчардирк – слышали о таком? Нет? Понимаю... Нчардирк находится на самом севере архипелага, выше только безымянные необитаемые земли. Наш остров ничем особенно не славен, но у нас очень красивый герб – двуглавый ворон. И поэтому, когда к нам все-таки заезжают гости – это происходит редко, но все же – мы дарим им такие амулеты на память. Я переехала сюда пару лет назад и прихватила несколько медальонов, чтобы дарить новым друзьям и вот так, потихоньку, разносить славу своей родины... Правда, мне так и не удалось никому вручить ни одного украшения: говорят, ворон слишком большой, вульгарный даже... – она вздохнула. – Так что я рада, что вас он заинтересовал!

Я кивала, все больше поражаясь ее радостному щебету. Остров Нчардирк? Дешевый сувенир?..

Как-то это не очень вяжется с той штукой, которая болтается на груди Талвани.

Я вспомнила один кусочек информации об аристократе, которую Жан Герань дал мне перед кражей амулета: «После окончания университета он уезжал куда-то на север на несколько месяцев, а вернувшись, продал свой замок».

И, кстати, это как раз сходится с комментарием Талвани о том, что «я потратил шесть лет, пытаюсь снять эту дрянь». Вчера вечером за ужином один из официантов встал в позу и заявил, что не продаст нам вино, пока не увидит наши удостоверения личности. Мол, вдруг мы несовершеннолетние? Мокки в ответ чуть его не загрыз, я выругалась, а Тилвас как ни в чем не бывало полез в карман за значком. Естественно, после того, как официант изучил его, уже я выхватила удостоверение аристократа.

Там было указано:

- полное имя: Тилвас Хлогорун Талвани
- название родового замка: Крыло заката
- дата рождения: девятнадцатое апреля тысяча девятьсот девяностого года от ухода богов-хранителей

Таким образом, по моим расчетам, Тилвас как раз примерно шесть лет назад и получил высшее образование.

Значит, аристократ выпустился. Причем с факультета заклинателей. Потом уехал в путешествие на север. Там у него появился медальон – предположительно сувенирный – и сопровождающая ему проблема.

Потом Тилвас вернулся, продал замок и долго и упорно изображал для всех знатного бездельника, а сам сменил профиль на куда менее престижный – стал изучать артефакторство.

Так. Мне нравится мысль о том, что он начал практиковать науку артефакторства затем, чтобы разобраться в меда-

льоне, висящем у него на груди. Но почему он делал это тайно? И, получается, проблема не в амулете как таковом, а в том, как он зачарован? Но кто его зачаровал? И зачем?

Вполне вероятно, что изначальное образование Тилваса – твари и духи – связано с тем, что сейчас мы отправляемся за фигуркой пэйярту. Возможно, это же связано и с медальоном.

Вот гурх, зацепок-то немало.

Пока я раздумывала над всем этим, к нам с девушкой-подавальщицей подбежал уже знакомый мне свадебный организатор. На сей раз он кричал на нее – за то, что она стоит со мной, а не кружит по саду, как полагается. Девушка послушно ретировалась, а ко мне вскоре приблизился Тилвас.

– У тебя такое лицо, будто ты решаешь задачки по высшей математике, – хмыкнул аристократ.

– Нет, – лениво отозвалась я. – По географии. Ты когда-нибудь слышал об острове Нчардирк? – невинно закончила я, пристально глядя ему в лицо.

Уголок рта Талвани непроизвольно дернулся. Неожиданно в его глазах полыхнула такая неприкрытая ярость, что я отшатнулась, – мне показалось, он сейчас вцепится мне в горло. Кроме того, мне почудилось, что черты его лица заострились, а в зрачках рассыпались красные всполохи – хотя, возможно, это было отражением факела в руках проскользнувшего мимо нас танцора. *Что за гурх?*

Заметив мой неподдельный испуг, Тилвас выругался и

прикрыл глаза рукой. Когда он убрал ладонь, его лицо снова было таким же, как всегда, – красивым, благородным, улыбочиво-спокойным.

– Не припомню такого острова, – наконец спокойным тоном сказал артефактор и дружески приобнял меня за плечи. – Джерри, я думаю, нам пора в склеп.

* * *

Пока мы поднимались по каменным ступеням в замок и шли через главный холл – там все было красиво подготовлено к церемонии, которая, по нашим традициям, будет проходить ровно в полночь, – я вновь взяла себя в руки.

У всех бывают галлюцинации, в конце концов.

Решив, что не стоит сдаваться, я стала вслух пространно размышлять о разных островах архипелага Шэрхенмисты и их гербах. Но Тилвас не поддерживал разговор, предпочитая отшучиваться и переводить тему. Его пальцы у меня на плече каждый раз сжимались, когда я вновь и вновь, как попугай, упоминала остров Нчардирк.

Я заткнулась, только когда ладонь аристократа вдруг мягко, но демонстративно легла мне на спину между лопаток, и слегка надавила. Сквозь ткань платья стали ощущаться бугры шрамов под татуировками, и я замерла, как пойманный кролик.

– Если я сейчас начну повторять: «шрамы-шрамы-шра-

мы», как заведенный, тебе будет приятно, госпожа Барк? – серьезно спросил Тилвас, поймав мой затравленный взгляд.

Глаза у него были грустные. Глубокие. Никаких привычных шуточек и издевок. Гнева тоже нет. Я медленно отрицательно качнула головой.

– Вот и мне неприятно, – тихо сказал Тилвас, отпуская меня.

Я тотчас напряженно повернулась к нему лицом, будто пыталась инстинктивно защитить спину. Какое-то время мы стояли, всматриваясь друг в друга.

Этот взгляд Талвани... Парадоксально-знакомый. Будто он тоже пережил нечто ужасное. Нечто такое, что навсегда остается с тобой, в тебе, извращенной тенью следует по пятам.

В глазах Тилваса я видела старую боль. Он был как фреска в разрушенном храме: старый, затертый временем лик, полный потерь и страданий.

– Я... – начала я, чувствуя странное желание извиниться. Но аристократ вдруг будто очнулся, тряхнул головой и с улыбкой предложил мне руку:

– Пора продолжать наш путь, верно?

Морок рассеялся. Поколебавшись, я вложила свою руку в его – приятно-теплую. Какое-то время мы шли молча, но уже к третьему лестничному пролету господин Талвани вновь стал веселиться и хорохориться, будто крылышки после дождя расправил.

Собственно, будем считать предположение верным: свой амулет и сопутствующие ему проблемы Тилвас получил именно на острове Нчардирк.

* * *

Как бы удивительно это ни звучало, но вход в семейный склеп находился в гардеробе в спальне хозяина замка.

Видимо, это было переложением известной фразы про скелеты в шкафу.

По коридорам мы крались, таясь в тенях, а со спальни вышла неприятная заминка, связанная с тем, что хозяин оказался на месте. Причем не то чтобы спящим или, не дай небо, в чьем-то обществе – он просто благообразно скучал в кресле и читал газеты, что-то недовольно брюзжа под нос и явно никуда не торопясь.

Это было неприятным осложнением. Как-либо выдавать свое присутствие – ударом по голове или кляпом в рот – мне совершенно не хотелось, как минимум потому, что так мы могли навлечь беду заодно и на Мокки. Но, сколь бы искусной в хождении по теням я ни была, незаметно пройти мимо сидящего в кресле, бодрствующего человека я не сумею.

– Что ж, твой выход, артефактор, – я развела руками. – Какие фокусы покажешь?

– А какие нужны?

– Разве у тебя широкий ассортимент?

– Ты даже не представляешь насколько.

Я с сомнением окинула взглядом его фигуру. У меня самой под подолом платья был прицеплен кинжал, набор отмычек, веревка и несколько маг-свитков для упокоения нежити. Но я не помнила, чтобы Тилвас как-то особенно готовился к нашей миссии.

– Выбери что-нибудь подходящее случаю, – попросила я.

– Хорошо, – сказал он и открыл дверь в спальню, не размениваясь на размышления.

Хозяин замка, герцог Льовез, тотчас всполошенно вскочил со своего кресла.

– Что такое? – возмутился он, глядя на нас.

Я была солидарна с ним в этом вопросе.

– Ох, гурх, – сказал Тилвас, мрачно хмурясь на герцога. – Мне сказали, это будет моя спальня.

– Кто вам сказал? – опешил хозяин, на ощупь ища сброшенные тапки под креслом.

– Ваш бой. Пирси или как его там. Хабловый малый.

– Какой бой?! На каком языке вы разговариваете?! – взревел господин Льовез.

– На языке любви, конечно же, – осклабился Талвани и, резко обернувшись ко мне, вдруг страстно меня поцеловал.

Я так опешила от этого поворота, что даже не сразу среагировала.

Одно мгновение я пыталась понять, что от меня требует дальнейший сценарий, а осознав, что никакого сценария нет

и Талвани просто всюду развлекается, я налепила ему такую пощечину, что артефактор аж зашипел.

– Да вы с ума посходили! Развратники! – ахнул господин Льовез и, пробежав мимо нас в коридор, начал истошно вопить, призывая слуг и справедливость попеременно.

– Ты сдурел? – чуть более емко высказалась я.

– Тщ-щ! – шикнул Тилвас и вдруг бросил в коридор какой-то маленький стеклянный шарик, который до этого крутил между пальцами.

Шарик, упав на каменный пол, вспыхнул туманным облачком и вдруг обратился двумя нашими фигурами – достаточно призрачными вблизи, но кажущимися вполне реальными издалека. Фигуры о чем-то говорили, размахивая руками.

– Что стоишь? Взламывай шкаф! – со смехом подтолкнул меня артефактор.

Я, ругнувшись, отправилась в гардероб. Замок на шкафу был элементарный – несмотря на то что в склепе хранится немало ценностей, предполагалось, что немногие воры захотят туда вот так пробираться. Те же ритуальные штуки можно найти в более приемлемой обстановке.

Замок поддался, я распахнула резные дверцы. За ними обнаружилась винтовая лестница, убегавшая куда-то вниз.

В коридоре слышались шаги и крики – это хозяин возвращался со встревоженной подмогой. Тилвас хлопнул в ладоши, и наши призрачные фигуры в коридоре перестали бес-

хотно топтаться на одном месте и побежали, посмеиваясь и обжимаясь, в противоположную сторону от явно ускорившихся – судя по воплям – свидетелей.

Мы зашли в шкаф.

Я закрыла за нами двери и на сей раз стала так же активно запираяться. Тилвас терпеливо ждал, только стоя почему-то вплотную ко мне и похихикивая у меня над ухом.

– Ты чокнутый, – наконец пробормотала я. – Абсолютно, мать твою, неадекватный. У тебя эмоциональные качели с размахом в тысячу метров, никакой страховки, а поручни намазаны маслом – соскользнешь в самую пропасть и не заметишь.

– Мне кажется или ты завидуешь масштабу моей личности?

– Я скорее сочувствую той лепешке, что останется, когда ты сорвешься.

– То есть я психопат?

– Полный.

– Твой типаж, да?... – мурлыкнул он, и я подумала, что еще немного – и я спрячу отмычку у него в солнечном сплетении. А что, надежный тайник. Не хуже прочих.

Мы побежали вниз по лестнице в склеп.

Склеп

Via spirituum non est deceptio.

«Путь духов вовсе не обман».

Чем ниже мы спускались, тем плотнее становилась тишина вокруг. Как темная вода, она со всех сторон обступала нас с Талвани, затапливала мысли холодом, заставляла сердце биться медленнее, будто нехотя.

Светильники, освещавшие шахту винтовой лестницы, становились все более тусклыми, а потом и вовсе погасли. Я отцепила от платья крохотный магический фонарь, и наши с Тилвасом тени на влажных стенах теперь казались очень острыми, болезненно-тонкими, хрупкими, – *возьми и переломи.*

Не стесняйся.

Мы все – твои косточки, смерть.

Мысли путались. Восприятие искажалось здесь, в царстве уснувших мертвых. Я чувствовала, как во мне расцветают скорбь и язвительность одновременно.

Когда мы спустились на первый уровень захоронений, я

глубже вдохнула местный воздух, чуть более пряный, чем был на лестнице.

Мм, тлен и безнадега!.. Мой любимый запах, хоть меня от него и мутит.

Наверное, я тоже психованная.

Съехавшая на полную катушку, раз вместо собачки или кошечки завожу воронов, иногда скребущих стены в поисках мышей, пью копченый чай, залитый крутым кипятком, и получаю странное удовольствие, когда подправляю форму бровей, выщипывая лишние волоски – больно и сладко одновременно, жуткий, соблазнительный контраст.

Хотя это многие любят.

Но, с другой стороны, с какой радости мне сравнивать себя с другими, если я хочу убедиться в своей нормальности? В этом мире нет нормальных, это мир чокнутых, пропащих, заблудших и поехавших, мир, где, пытаюсь выделиться, ты оказываешься в толпе таких же пестрых и поломанных, и единственный способ выжить – либо заранее смириться со своей благополучной серостью, либо с гиканьем ухнуть в водоворот омерзительнейших вещей, потому что с каждым новым днем тебе нужен все больший кач психики для прежнего удовольствия, потому что ты подсаживаешься на любую силу, будь то вдохновение или боль, и единственное, что бесит тебя по-настоящему – это та самая пресловутая безмятежность и спокойствие, она же – смерть.

Чем хуже, тем лучше.

Вот как я живу.

Вот почему сейчас я воровка, хотя могу быть кем-то другим. Вот почему я сохну по Мокки Бакоа, хотя хорошие парни нередко зовут меня на свидания. Вот почему я согласилась отправиться сюда с Талвани, хотя могла послать его очень далеко и безапелляционно...

Я просто больная, и я выбираю себе больной мир. Осознаю это? Да. Хочу променять его на нормальный? Нет, спасибо. Не в этой жизни.

Не для того я росла на долбанных речах древних ораторов и учила мертвые языки, просаживала легкие на галлюциногенных благовониях, обещавших путешествия между мирами, изучала человеческие тела и души, чтобы теперь стать сытой, скучной, отвратительной серой посредственностью.

Мы молча шли по склепу.

Верхний этаж кладбища Льовезов отводился для будущих поколений и сейчас полнился лишь мрачными, пылью затянутыми скульптурами. Помещение было огромным, как ипподром. Сырость и темнота, мягкий глиняный пол.

На втором уровне уже были захоронения. Маг-фонарь погас. Я провернула камень на одном из своих колец, и он загорелся тусклым зеленоватым светом, чей луч теперь высвечивал маленькие склепы-домики, похожие то ли на древние храмы, то ли на гигантские собачьи конуры. В их двери были вставлены цветные стекла, а у порогов рассыпана защитная соль – на случай, если упокоенный родственник вдруг решит

прогуляться.

В конце второго этажа находилась небольшая часовня, посвященная богу Теннету. Мы искали не ее, однако я не удержалась от соблазна зайти внутрь.

Хранитель времени. Самая безжалостная из всех шестерых тварюга.

Внутри было тихо. Крохотное помещение, зато с высокой треугольной крышей. Клан Льовезов вообще не скупился на разрытие холма под замком – думаю, склеп в глубину уходил на столько же метров, сколько само здание занимало в высоту, не меньше.

Скульптура Теннета изображала молодого бога сидящим на большом камне. Он замер, понунив голову, и в его руках, сложенных лодочками, лежал сломанный циферблат с разбитыми стрелками и перепутанными цифрами.

«Никто, ничто, никогда», – было выведено на подоле божественного одеяния. Вьющиеся волнами волосы падали вниз, скрывая лицо хранителя, но, если наклониться и все-таки заглянуть в него, было видно, что глаза Теннета закрыты, а из-под век льются каменные слезы.

Я посветила кольцом вокруг. Справа от ноги хранителя лежал суконный мешочек, который я подняла и деловито развязала. Оттуда мне будто улыбалось несколько драгоценных камней.

– Тебе это надо? – хрипло спросила я каменного хранителя, потрясая перед ним мешком. – Если надо – скажи. Дай

знать. Не то я заберу себе – зачем им здесь пропадать.

Скульптура не шевелилась.

– Мать твою, как меня бесит, что вы, древние существа, никогда не размениваетесь на ответы, – помолчав, с чувством сказала я. – Как я могу в вас верить, если вам абсолютно по барабану? Что должно склонить меня перед вами, если вы никогда не отвечаете? Всю свою гребаную жизнь я вслушиваюсь в пустоту только затем, чтобы убедиться – по ту сторону нет никого и ничего, кроме вселенской тьмы. Ну и зачем вам поклоняться? Что это меняет?

Скульптура не издавала ни звука.

Я почувствовала, как в горле у меня встает комок.

– А может, ты и сам не знаешь ответа, – с горечью сказала я. – Или знаешь. Но он такой безнадежный, что куда милосерднее – промолчать.

Я подбросила мешочек в руке и вышла из склепа, не оглядываясь. Тилвас Талвани стоял снаружи, рассматривая кинжал, который я ему дала.

– Я думал, ты им молишься, – сказал он, поднимая на меня свои непостижимые глаза, совсем дикие в зеленоватом свете перстня. – А ты с ними ругаешься, оказывается. С сурком на горе тоже поцапалась, да? Приходишь снять стресс, оборать того, кто не может ответить?

С сурком я не ругалась, но мне не хотелось объяснять это Тилвасу.

– Заткнись, – только и бросила я ему.

– Я их тоже не люблю, если хочешь знать. Богов-хранителей. Им слишком легко все досталось – и вечная молодость, и могущество, и тела.

– Мне плевать, Талвани.

– Было бы плевать, ты бы эту тему не поднимала.

– На твое мнение мне плевать.

– Вот как.

Тилвас наклонил голову набок, задумчиво всматриваясь в мои глаза. Многовато у нас гляделок для одного вечера. Так и привыкнуть можно.

– Короче, знаешь, – проговорил Талвани наконец. – У всех нас есть свои болезненные наросты на этой странной мышце под названием сердце. И иногда они такие здоровенные, что мешают дышать. Это ужасно и нормально одновременно: дурацкий побочный эффект бытия человеком. Захочешь поговорить – я готов. Где еще делиться тайнами, как не глубоко под землей?

– Нигде, Талвани. Тайны на то и тайны, что ими делиться не надо.

Он закатил глаза.

– Ты *слишком* сурова, Джерри. Ладно. Тогда вот что скажу: боги-хранители пусть катятся к праховой бабушке, тем более тут недалеко, – он многозначительно оглядел склепы вокруг нас. – Но что касается рёххов: давай ты хотя бы с пэй-ярту грызться не будешь, когда мы спустимся, мм?

– Не буду. Просто сопру фигурку, и все, – пообещала я.

Святилище пэйярту располагалось на нижнем уровне склепа.

Все захоронение Льовезов было наполнено тишиной, но тут, в царстве самых старых мертвых, эта тишина едва не вибрировала от толщи давящих на нее веков.

Мы с Тилвасом осторожно шли по дому усопших. Артефактор с интересом оглядывался, хотя в темноте немного можно было разобрать, а я старательно прощупывала путь перед нами железным прутом, выломанным из одного захоронения.

Гробницы и ловушки часто ходили рука об руку, причем в случае частных захоронений это была скорее традиция, чем реальная необходимость. Однако традиция, исполняемая со всем тщанием... И мне совсем не хотелось, чтобы мне сейчас снесли голову какой-нибудь мимо пролетающей секирой.

– Кстати, а почему тебе нужен именно этот пэйярту? Что в нем такого особенного? – спросила я, когда мой прутик все-таки наткнулся на едва заметную натянутую леску, и теперь я сидела у стены, деактивируя капкан.

Крючок за крючком, осторо-о-о-ожненько. Тилвас терпеливо ждал рядом.

– Говорят, в местную статуэтку вплавлен коготь самого Белого Лиса, – отозвался он.

Я утерла пот со лба – ловушка выматывала – и строго наставила на аристократа отмычку:

– В смысле – «вплавлен коготь»?

– В прямом смысле, то есть в магическом. Один колдун взял и – р-р-р-раз! – оторвал у зверюшки коготь, изверг, а потом заключил его в статуэтку.

– Но ведь так же, как рёххи не могут касаться людей, люди не могут касаться рёххов.

– Некоторые – могут! Это тот редкий случай, когда «Записки о поисках духов» не врут.

«Записки о поисках духов» были компиляцией рассказов, сказок, легенд, песен и слухов о рёххах, собранных исследователем Горо Хоо в XIV веке. Несмотря на почтенный возраст, эти истории были любимы и популярны по всей Шэрхенмисте и сегодня.

Горо Хоо частенько вставлял в свои сказки героя-человека с суперспособностью осязать рёххов, и такой бедолага, буде он появлялся, тянул на себе весь драматический конфликт. Читать такие сюжеты было гораздо интереснее, чем истории об одних только духах: ведь когда в таинственном мире загадочных и непостижимых рёххов появлялся кто-то понятный, как минимум материальный, читателю было кому сопереживать... И эмоции тотчас нарастали.

Хотя да, безусловно, рёххи тоже имеют свои истории и характеры, за ними любопытно наблюдать, как за персонажами. Чего стоит хотя бы история о том, как искомый нами

пэ́йярту устроил турнир по изящной словесности среди духов и обыграл всех откликнувшихся, включая неподражаемого горфуса!

Это так взбесило Черного Волка, что он обвинил пэ́йярту в жульничестве. Пэ́йярту сказал: ну да, я обманывал, я же лис. Горфус призвал остальных духов объединиться и развезть пэ́йярту так, чтобы он как можно дольше не мог вернуться на землю (рёххи не могут умереть совсем, лишь теряют свою сущность на некоторый срок). Духи возразили: ну он же действительно лис, чего ты ждал? Горфус оскорбился повторно. Конфликт начал нарастать и в итоге расколол общество рёххов, обратился войной духов с духами, из-за чего страдала вся Шэрхенмиста. В итоге вмешался единый союз морских рёххов во главе с альбатросом эндольфом и заключил горфуса в призрачную тюрьму на тысячу лет.

Это было чем-то новеньким в сфере духовной пенитенциарной системы. И, пожалуй, карой не менее суровой, чем развешивание: тогда как оно напоминало просто глубокий обморок, то в тюрьме, расположенной далеко-далеко в океане, горфуса ждала омерзительная пытка скукой.

А морские рёххи после заварушки поняли, что на волне энтузиазма ввязались в какую-то очень обязывающую историю – ведь это им же горфуса еще и сторожить. Осознав, что никто не хочет снять с них эту нудную задачу, морские прокляли собственную инициативность и с тех пор больше не пытались играть в борцов за справедливость.

Неподражаемый эндольф и вовсе стал символом могущества и пофигизма. Появилось даже такое расхожее выражение: «играть эндольфа» – что означало сохранять упорный нейтралитет, даже если вокруг все полыхает войной и в кресло под твоей задницей уже заложена бомба.

– Не все, что названо сказками, является выдумкой, – продолжил Тилвас Талвани. – Просто некоторые вещи всегда выгоднее скрывать от широких масс.

– Это я-то широкая масса? – вздохнула я, уже даже не обижаясь.

– Как минимум ты далекий от магии эгоцентрик, который все меряет по себе. А вот я – эксперт по духам, если ты вдруг запаматовала.

– Ты мне еще экзамен по своей биографии устрой... Как тут не забудешь, если еще вчера ты был артефактором, а неделю назад – просто аристократом? Тилвас, скажи честно: завтра мы выясним, что ты еще и бог?

– Ну это ты хватанула, конечно. Возвращаясь к статуэтке: именно коготь реального пэйярту внутри делает ее такой особенной. Этот коготь – один из компонентов, которые нужны мне для запланированного ритуала.

Я обратила внимание, что на этих словах артефактор непроизвольно коснулся амулета на своей груди.

– Дай догадаюсь: ритуал связан с тем, что ты хочешь наконец-то избавиться от медальона.

Рука Тилваса тотчас метнулась в карман, будто его пой-

мали на горячем. Аристократ опустился рядом со мной на корточки.

– Джеремя, – проникновенно проговорил он, – а тебе никогда не говорили, что ты чересчур наблюдательная девица?

Я вскинула брови, с ехидцей на него покосившись, и резко дернула за последний крючок капкана. Тотчас из стены в каких-то десяти сантиметрах от нас выдвинулся и прошил весь коридор насквозь длинный игольчатый бур.

Я надеялась, что Талвани завизжит, как девчонка. Но он лишь продолжал внимательно смотреть на меня, даже не шелохнувшись. Все его лицо выражало то ли лукавство, то ли расположение – так с ходу и не поймешь.

– Нет, не говорили, – я выпрямилась. – Сочту за комплимент.

Мы пошли дальше.

Впереди нас ждало еще несколько ловушек. Одна из них оказалась до безобразия сложной: нужно было взломать ряд замков, и у меня никак не получалось справиться с одним из них.

– На, скушай яичко, успокойся. – Аристократ, сидевший на полу склепа, вдруг протянул мне на ладони пару перепелиных яиц.

– Откуда ты их взял? – опешила я.

– Прихватил на фуршете. – Тилвас рукой похлопал по своему широкому рукаву.

– Ты положил перепелиные яйца в шелковый карман та-

ори? Серьезно? Да уж, это ни капельки не странно, – про-
бормотала я, садясь рядом с ним.

Впрочем, я была рада угощению. Тилвас пожал плечами.

– Я подозревал, что быстро мы тут не справимся. Икру
или ягоды с собой не положишь, а перепелиные яйца я люб-
лю, – он ногтем подковырнул пеструю скорлупку.

– Я тоже их люблю, – сказала я. – Да и вообще еду. При-
знаться даже, я люблю ее больше, чем людей.

Тилвас расхохотался.

– Чокнемся за это.

Мы стукнулись яйцами.

– Ну что, попробуешь все-таки разобраться с этим зам-
ком? – Талвани кивнул на ловушку. – А то твой дружок Мок-
ки Бакоа, наверное, уже справился со своим заданием в биб-
лиотеке и устал нас ждать.

Это вряд ли: сейф, с которым где-то наверху должен был
разбираться сейчас Бакоа, сложнее всей нашей миссии, да
и дорога к нему для вора должна была быть долгой. Мокки
предстояло не только вскарабкаться по гладкой стене замка,
но еще и обойти все посты охраны внутри, нейтрализовать
охранные заклинания и многое другое.

Впрочем, Тилвас был прав: мне пора и поработать. После
привала ловушка все-таки поддалась. Как говорится, свое-
временный отдых – топливо для успеха.

Мы продолжили путь, и вот наконец впереди замаячил
слабый огонек: лампада, стоявшая в святилище белого лиса.

Мы приблизились к нему. Это был небольшой домик – аккурат в человеческий рост – выполненный из белого мрамора. Камень исчерчивала резьба, изображающая пейзаж кедровой рощи в горах. По ней бежал стремительный белый лис, чьи отпечатки были выдавлены в камне, как настоящие. Из-за стволов некоторых деревьев высывались мордашки других, робких рёххов, с интересом подглядывавших за шепчущим пэйярту. В пещере, темнеющей в углу пейзажа, угадывался силуэт разгневанного горфуса.

Я наклонилась, чтобы не удариться макушкой о притолоку, и зашла внутрь святилища. На сей раз Талвани последовал за мной.

На постаменте в центре домика сидел лис. У него между лапами были сложены сокровища-подношения: гранатовые браслеты, золотые монеты, мешочки со специями, привезенными из разных уголков мира. А также лежала небольшая серебряная фигурка в виде точно такого же лиса: уши торчком, распущенный хвост, умный и хитрый взгляд.

– Хм, все оказалось так просто, – подивился Тилвас, глядя, как я тянусь к статуэтке. – Я представлял себе процесс расхищения более... увлекательным.

– Слушай, Талвани, если бы это ты разоружал ловушки, а не яйца трескал, ты бы сейчас иначе пел, – проворчала я.

– Но мы не встретили никого из нежити. Я ждал ее.

– Мы в фамильном склепе, – я пожала плечами, уже убиравая трофей в сумку. – Как я вижу, за ним все-таки немного

ухаживают, поэтому у нежити не было достаточного количества времени и одиночества, чтобы переродиться и устроить тут веселую жизнь.

– Однако я не чувствую здесь запаха людей.

– Ну, наверное, они все-таки моются перед тем, как навещать родственничков.

– А вот потусторонний запах тут достаточно мощный.

И в этот самый момент откуда-то снаружи раздался сиплый и жадный рев.

Так... Кажется, Талвани был прав в своей парфюмерной оценке.

Мы не успели и шагу сделать из святилища наружу, как в его дверях показалась фигура *цавраску*. Эта нежить выглядела как земляной монстр в виде старухи, у которой отсутствовало лицо, а руки были обвиты многочисленными прыгучими змеями. В ладонях цавраску сжимали костяные ножи, выточенные ими из человеческих ребер.

Цавраску рождались на забытых кладбищах, которые посещали слишком редко, и самоотверженно брали на себя заботу о покинутых мертвых. Они сохраняли территорию кладбищ в чистоте, но любых чужаков считали незваными гостями и видели в них единственную пользу – возможность упокоить их рядышком со «своими», тем самым расширив владения.

Взвыв, старуха-цавраску вскинула руки, и змеи, разматываясь, бросились на нас шипящим клубком.

Я наискось рубанула по ближайшей из них кинжалом. Потом отскочила вбок, уворачиваясь от брошенного старухой костяного ножа, и потратила несколько драгоценных секунд, чтобы отцепить от себя еще одну змею, пока она не успела меня укусить. Когда я выпрямилась, то увидела, что цавраску заносит нож над Тилвасом, стоящим в углу. Я хотела помочь ему, но в этот момент третий змей вдруг вцепился мне в щиколотку острыми клыками.

Гурх.

Это плохо.

Клыки таких змей были ядовиты: они мгновенно вызывали страшные галлюцинации, однозначно мешавшие соображать. Так случилось и со мной: я не успела отодрать мерзкую тварь и швырнуть ее на камни святилища, а мир вокруг уже затопило искаженной иллюзией.

Краски как будто потухли, сменились палитрой в серых тонах: серые камни, серые змеи, белое пятно старухи. Я увидела, как цавраску воткнула нож прямо в живот Талвани, а он только широко, как-то по-звериному улыбнулся ей в ответ. Его тень на стене превратилась в лисью. Тилвас протянул руки к цавраску, и все вокруг полыхнуло ярко-оранжевым светом, а монстр и его прихвостни страшно завывали, превращаясь, как мне показалось, в хлопыя пепла...

Я мешком осела на пол.

Мир пропал.

* * *

Знаете, как отличить кошмарный сон от реальности?

Да никак.

Если это полноценный кошмар, не стесняющий себя в средствах, то как ни готовься, а все-таки застынешь кроликом перед распахнутой пастью ужаса. А у меня-то и времени на подготовку не было: я только и успела что отметить – сейчас будет плохо и беспамятно – и стало очень, очень плохо.

Все как заказывали.

Иллюзия под авторством цавраску отправила меня в городок Зайверино. Туда, где я познакомилась с Мокки Бакоа. Туда, где узнала, что такое настоящий ужас.

Туда, где оказаться вновь было сродни мучительной смерти...

Воспоминание о Зайверино

Maris fluctus memoriam nostram lavare non possunt.

*«И морским волнам не под силу смыть нашу
память».*

Это была середина июля, пять лет назад.

Отгремели университетские экзамены, давшие нам степени мастеров второго уровня, и теперь, если мы хотели учиться дальше, нам нужно было готовиться к новым вступительным испытаниям. Но сначала, конечно, хотелось как следует отдохнуть.

Мы с однокурсниками собрали вещи и на два месяца покинули холодные, но такие родные дортуары университета – разъехались по домам.

Вернее, большинство из нас – по замкам.

Потому что обучение в университете имени Селесты – очень маленьком и закрытом учебном заведении, специализирующемся на архаичных гуманитарных науках, – стоило просто бешеных денег. Сюда в основном поступали младшие отпрыски древних родов, которые могли позволить себе

заниматься такой приятной и бесперспективной вещью, как учеба на отделении драматургии, актерского мастерства или поэтики.

У меня, единственной на курсе, имелась полная стипендия, выданная за выдающиеся академические способности.

Раньше меня звали Хэвергри Лайсо. Я родилась в Пике Волн, в семье ученого и актрисы. В жилах родителей текла старая знатная кровь, но они происходили из обедневших родов и всего в жизни добились сами – добрались до того уровня, который у нас принято считать «крепким средним классом». Еще у меня было два младших брата. Я всей душой любила Пик Волн, наш дом находился неподалеку от озера Истинных Намерений, и я часто гуляла возле него, заглядывая в темную воду, которая никогда не отражала твое лицо – только твои потаенные мысли, как бесплатный и очень жестокий психолог...

Я росла как нежная принцесса: родители не жалели денег на мое образование. Мне нравилась работа матери – актриса, – но меня также прельщали исследования отца. Мне точно стоило пойти куда-то в область гуманитарных наук.

Я никогда не мечтала о том, что я хочу получить. Только о том, какой хочу быть.

Умной. Красивой. Утонченной. Обходительной. Я хотела быть леди, которая живет в красоте, создает красоту, чье сердце отдано искусствам и познанию. Я хотела быть ласковой и игривой, вдумчивой и загадочной, целеустремленной,

гибкой и смелой. Идеалом женщины из древних поэм.

И, конечно, я хотела учиться в закрытом университете имени Селесты на западном побережье острова – и нигде больше. Когда я добилась этого, получила стипендию в самое чарующее из учебных заведений Шэрхенмисты, то была совершенно счастлива.

Помню свой шок в первый год обучения. Мир богатых аристократов, помешанных на древности, оказался куда более наркотически-томным, чем я представляла себе из нашего сада с цветущими глициниями. Но он понравился мне, боги, да, он мне понравился!..

Пьесы, сцены, темнота, красота – это было квинтэссенцией нашего бытия в университете Селесты. Наверное, кто-нибудь мог бы сказать, что я пошла по наклонной дорожке, но эта дорожка вилась среди таких прельстительных книг, грохочущих океанских волн, мраморных скульптур и красивых – *невероятно* красивых – людей, что, ступив на нее, я решила, что уже не променяю ее ни на что и никогда.

К тому же есть разница между тем, чтобы бесконтрольно и бездумно отдаваться пороку, и тем, чтобы вдумчиво выбирать для своей жизни разные цвета и оттенки – составляя свой, ни с чем не сравнимый, неповторимый витраж. И если мою эстетику составляют черный, темно-красный и холодный серебряный тона – то это мое решение и мое право, а другие пусть занимаются собой.

Моей лучшей подругой в университете была Финна Тор-

чергуд. Тем летом я ненадолго заехала домой, а потом отправилась гостить к ней – наряду с другими студентами.

Финна была наследницей замка Зайверино, стоящего на морском побережье, неподалеку от одноименного городка. Незадолго до выпуска Финна перевелась с отделения филологии на теологию и поставила себе целью объединить две компании друзей – «литературную» и «божественную».

Как я сказала, у нас небольшой университет. Нас, словесников (объединенное отделение актерского мастерства и литературы), насчитывалось всего лишь шесть человек на курсе. Теологов – и того меньше, пятеро. Получалось маленькое, но восхитительное соцветие томных интеллигентов, свихнутых на богах и поэзии, расслабленных, довольных жизнью и немного снобских.

О да, мы были хороши.

В Зайверино к нашим услугам был весь пустой замок – горничных отпустили, а семья подруги где-то путешествовала.

Пара дней прошли как один дурманный мираж – я только и помню, как мы бесконечно зависали в старинной библиотеке, узкой и высокой, похожей на колодец. Шторы опущены. Зажжены разноцветные магические сферы. Их огни отражаются в черненых зеркалах, и все, о чем мы жалуем, – что слишком жарко для розжига уютного камина...

Я возлежала на кушетке из темно-бордового бархата и наизусть читала поэму Шуки Макадуру «Ты и все твои звез-

ды», старательно воя и закатывая глаза на особенно пронзительных пассажирах. Кашфиэль ныл, что в коктейль принято класть только одну оливку: *что за безобразие, скудость человеческая границ не знает!* – и все пытался умыкнуть горьковатый плод из бокала Чокчи Фламберга – рослого парня, специализирующегося на средневековой комедии и всегда игравшего на сцене роль героя-любownika, хотя в жизни он был таким забитым зайчиком, что мы непрерывно его стебали. Патрик и Кларисса искали себе жертву, чтобы попрактиковаться в искусстве шибари, Финна играла на скрипке, а студенты-теологи жарко спорили о чем-то своем, внеземном. Один из них – Дерек – иногда так внимательно смотрел на меня из-под густых ресниц, что я уже предчувствовала отличное продолжение каникул...

На субботу Финна решила запланировать какую-то эксцентричную вечеринку.

– Пока ничего не скажу, но вам понравится, – пообещала она, загадочно понизив голос. – Это будет *незабываемый* опыт. Грандиозный.

И, выгнав нас всех на море, подруга принялась готовить нечто секретное в Малой гостиной.

Но я не смогла принять участие в развлечении.

Перед приездом в Зайверино я взяла несколько частных уроков по акробатике – хотела освоить пару новых трюков, которыегодились бы нам на сцене. Один раз переборщила с прыжками, сильно ударилась, упав, и меня еще какое-то

время преследовали мигрени.

В день вечеринки головная боль вспыхнула нестерпимо.

Это было ужасно обидно. Вечерело. Финна вот-вот должна была пустить нас в Малую гостиную для своих таинственных развлечений, но мне пришлось оставить ребят у бассейна и пойти – а точнее, поползти – в спальню.

Я была разочарована и зла. Я заткнула уши, чтобы не слышать их хохота и не завидовать, закинулась таблетками от головной боли – которые, конечно же, не помогали, – опустила шторы, нацепила маску для сна и, ругаясь под нос, обмотав голову мокрым холодным полотенцем, легла в кровать, в уютную пещерку балдахина.

Я быстро уснула.

Но позже... Меня что-то разбудило.

Сердце билось, как ненормальное. Я резко села в кровати. Вытащила беруши. Мне послышались снизу какие-то звуки... Я не могла даже предположить, *что* это было – тихое, хлюпающее, странно чавкающее, – но мне стало так страшно, что я буквально оцепенела.

Долгое время я сидела в кровати, не решаясь даже пошевелиться. Потом все затихло. Я понимала: нужно проверить, что там происходит.

Дрожащими руками я зажгла свечу. Потом медленно, на цыпочках, вышла из комнаты и двинулась по толстым коврам второго этажа к лестнице... Замок Зайверино стоит практически на пляже. В окна светила полная луна, море

вдалеке угрожающе перекатывало темные ночные волны.

Снизу не доносилось ни звука. Мне казалось, я иду сквозь плотное марево страха и колдовства – каждый шаг давался с трудом. Чем ближе была лестница, тем отчаяннее что-то во мне кричало: «Плохое! Случилось что-то действительно плохое!» – хотя внешне ничего не менялось.

Интуиция, обоняние, аналитика – не знаю, что было тому причиной, но перед тем как спуститься вниз, я завернула в кабинет герцога Торчергуда и, вытащив почтового ворона из клетки – он трясся, как на холоде, – послала с ним записку в отделение городской стражи. В ней было всего одно слово – «Помогите!».

А потом я все-таки спустилась. И, пройдя темный коридор, приоткрыла дверь Малой гостиной.

То, что я увидела, останется со мной до конца жизни. А может, и дальше – в беспросветном океане космоса, в каждой частичке всепронизывающей энергии бытия.

Гостиная была залита кровью и колдовством.

А все мои друзья – мертвы.

Все.

Спирали светящегося ядовито-зеленого тумана бродили по комнате, как приглашенные зрители, выхватывая то изломанную фигуру Кашфиэля со свернутой головой, то растерзанное тело Фламберга.

Когда я увидела, что стало с Клариссой, меня затошнило. Везде были следы бурного праздника. Душно благоухали

лилии в высоких вазах. На столе, уставленном яствами, дымились благовония и лежали книги: потрескавшиеся кожаные переплеты, шелковые ляссе. Гранатовые косточки были рассыпаны на каменных досках. Ладан, терпкий, немного хвойный, раскачивался в серебряном сосуде над столом. В разожженном камине тлел пучок дурмана. Через спинки стульев были перекинuty ткани с серебряными вышивками... На них было что-то написано...

Слезы застилали глаза, я схватилась за угол стола, пытаюсь не упасть, и с трудом сфокусировала взгляд на ближайшем полотне.

Святая Селеста, снизойди!

Святая?... Селеста?...

Финна, что ты наделала?

Кого вы вызвали сюда?

Из моей груди вырвалось короткое рыдание, и я рухнула на пол рядом с Клариссой. Как в бреду, не понимая, что делаю, я пыталась прикрыть ее страшные раны, собрать ее обратно. Меня мутило. Где-то там, глубоко внутри, я знала, что мне надо встать, что нельзя ничего касаться, надо уйти – здесь некому помочь, здесь может быть опасно.

Но я просто не могла остановиться. Я видела, что случилось, – и не верила. Я безмолвно перемещалась от одного к другому: Шейла... Рори... Нахаби, боги, Нахаби...

Я садилась возле их тел, перебирала их волосы и беззвучно шептала: *вернитесь, вернитесь*, – мне хотелось трясти их,

умолять, кричать, но голос пропал так же, как и все мысли.

В замке стояла гудящая тишина, но... Вдруг ее прервало странное, хлюпающее чавканье, как то, что разбудило меня. Я застыла, чувствуя, что меня буквально пригвоздило к месту. Я моргнуть не могла, не то что шевельнуться.

Чавканье прекратилось. Зеленый туман снова качнулся, обнажив дверной проем в дальнем конце зала, а за ним – мертвое тело Финны.

Подруга лежала в следующей комнате – на полу среди цветов и свечей. Ее платье тлело, кончики пальцев были покрыты копотью, остекленевшие глаза смотрели вверх, рот раскрылся в безмолвном крике.

А над ней сидел студент-теолог Дерек, так понравившийся мне на днях.

На мгновение я задохнулась, решив, что он тоже только что пришел, что пытается помочь. Но затем мое сердце как будто бы вышло, хлопнув ребрами: Дерек поднял лицо, и я увидела, что его губы и зубы испачканы кровью, а у Финны на шее – дыра.

Вот тогда я завизжала. Я визжала так, что у меня немела гортань, а стекла в высоких арочных окнах замка мелко тряслись.

Дерек зарычал, задрав верхнюю губу, и медленно поднялся во весь рост. Он выглядел... странно. Человеческое тело, человеческие глаза, но в то же время – что-то дикое проступало за ним, стояло как будто тень, обнимая за плечи. В руке

Дерек сжимал столовый нож.

Оцепенение, завладевшее мной до этого, спало.

Я развернулась и бросилась прочь из гостиной. По счастью, некоторые комнаты в Зайверино имели внешние замки – я лихорадочно накинула цепочку на дверь и что есть силы припустила к главному холлу. Сзади раздался звериный рык, два удара, глухой треск – и вот уже Дерек уверенно шагал по лакированному паркету.

– Не надо бежать, дорогая. Нас ждет прекрасный вечер, – со смешком сказал студент. Его сытый голос разносился по холлу, будто усиленный заклинанием.

Я всхлипнула и всем весом навалилась на входные двери замка. Они распахнулись. Я выбежала на крыльцо и сломя голову понеслась прочь по песчаной дороге. Мне бы бежать в сторону города, но я знала, что те ворота заперты на ночь. А вот дорога на пляж – свободна. Я стрелой летела туда.

Свеча у меня в руке давно потухла, и я бежала впотьмах, только редкие замковые фонари давали какие-то ориентиры. Все небо было затянуто низкими грозовыми тучами. Землю как будто расплющило под весом небес, море выглядело бурлящей смолой, береговые сосны казались щепками, которые сейчас раздавит и сломит. Ни звука. Птицы молчат. Цикады умолкли. Ветра нет.

Вдруг раздался удар грома... Мгновение спустя – вспышка молнии, разорвавшая небо до самого горизонта.

– Дорогая-я-я-я... – издевательски пропели сзади в воца-

рившейся тишине.

Гораздо ближе, чем мне бы хотелось: Дерек стремительно сокращал расстояние. Снова гром. Снова молния. Черное море, как будто бы вставшее на дыбы. Хриплый хохот.

Я вдруг с отчётливой ясностью поняла: я сейчас утоплюсь. Что угодно, лишь бы *это* не нападало на меня. Лишь бы не разорвало, не сожрало, не выпотрошило, как Клариссу...

До воды оставалось пять шагов, когда мой преследователь ухватил меня за плечо.

– Я же сказал: *не надо бежать*, – прорычал Дерек, дергая меня на себя.

Сжав мне челюсть, будто животному, он провел носом по моему лицу, принюхиваясь, оценивая. Кровь моих друзей, стекавшая из его рта, оставалась на моих щеках и губах.

– Пожалуйста.... Отпусти... Пожалуйста.... – пыталась бормотать я.

Дерек лишь рассмеялся, а потом толкнул меня на песок. Я хотела уползти, встать, вывернуться, лягнуть его – севшего на меня сверху, перевернувшего меня лицом вниз, – но он был гораздо сильнее и быстрее.

Гораздо.

Нечеловеческая сила.

Дерек одной рукой надавил мне на голову, заставляя захлебываться песком и слезами. А второй... Стал резать мне спину столовым ножом, взятым из замка. Разорвав рубашку, он рисовал на мне *что-то*, одновременно тихонько мурлыча

под нос.

Я орала. Я плакала. Я молила богов прийти и спасти меня.

Потом – убить.

Но богам было плевать.

Я все еще продолжала бороться, но уже как-то устало, заранее зная, что проиграла. Я не понимала, что происходит и зачем, просто хотела, чтобы это закончилось. Чтобы не было этого мурлычащего пения. Этой боли, омерзительного запаха крови.

И вдруг в поле моего затуманенного зрения появился еще один человек.

Он вывалился прямо из моря: черное на черном, такое странное в искаженном электрическом свете молнии. Человек был мокрым с головы до ног, вода стекала с него, и влажные волосы облепили лицо. Он сорвал с лица маску, похожую на медузу, и уперся руками в колени, приходя в себя.

– Чтоб вас, – наверняка сказал он. Шторм бушевал у него за спиной.

Грохот. Вспышка. Мурлыканье. Нож.

– Ты такая красивая, – шепнул Дерек, ведя лезвием мне вдоль хребта.

– Спасите! – заорала я.

Незнакомец вздрогнул и обернулся.

И вот – в момент крошечной темноты между молниями – он рванул к нам. Прыгнул на Дерека, сбивая его с меня. Я тотчас вывернулась, пнула наугад. Дерек взревел.

Вспышка молнии. Нож, упавший на песок. Дерек толкнул незнакомца с такой силой, что тот отлетел на прибрежные камни, но тотчас вскочил и вновь бросился в драку, как мелкая злая ящерка. Я нащупала нож на песке – он был весь липкий. Моя спина – одна огромная рана, глаза застилала кровавая пелена. Пошатываясь, я поднялась и кинулась вперед: Дерек уже повалил моего неожиданного спасителя и теперь готовился сделать с ним что-то плохое. Но я была быстрее.

Я напала со спины, вложив в удар всю силу и ярость. Дерек дернулся и взревел, разворачиваясь, отшвыривая меня в воду одним мощным ударом, – но нож оставался у него в боку. Шустрый незнакомец тотчас перехватил рукоятку и, выдернув оружие, нанес еще удар. И еще. И еще.

Несмотря на раны, Дерек не становился слабее.

Я, захлебываясь приливом, схватила какой-то камень и что есть силы ударила Дерек по виску. Мерзкий звук. Ему было плевать. Я продолжила бить. Он хохотал, хотя его голова стала кашей.

– Идиоты, – смеялся он, душа незнакомца. – Идиоты.

И вдруг на пляже зажглись маг-фонари городской стражи. Топот, крики, свист, грубая ругань – все это показалось оглушающим и неуместным.

Дерек внезапно отпустил чужака.

От него будто отошла какая-то тень – хотя, возможно, это свет фонаря, смешавшийся с морским туманом и ужасом, застилающим мои глаза, дал такой эффект.

– Всем лечь! Руки за голову! – орали стражи, приближаясь.

Я и собиралась так сделать, но вдруг Дерек, все еще перемазанный кровью – моей, своей, чужака – рухнул на песок и жалобно закричал:

– Помогите!.. Они убивают меня!.. Мое лицо!.. Помогите!..

Я потеряла дар речи от такого поворота. А мой спаситель вдруг, ругнувшись, сипя и кашляя, выполз из-под Дерека и бросился прочь, и не думая останавливаться по приказу стражи. Ему в спину понеслись стрелы, но в темноте он ловко исчез между прибрежных сосен.

Гром. Вспышка.

Наконец хлынул дождь...

Дальнейшее было скомканным и окрашенным сплошь в багровые тона. Кажется, я потеряла много крови – когда стражи приблизились, мои ноги подкосились, и я просто отключилась.

А очнулась я в камере для преступников. Меня колотило, температура была высочайшей, я ничего не соображала. Вся спина пульсировала и горела. Я смутно помню, как меня допрашивали, как орали, что это я убила их – десять студентов, включая изуродованного Дерека, который на пляже умер от ран, повторяя, что я вытащила его из замка и напала на него с каким-то парнем, вылезшим из воды.

Я пыталась объяснить стражам что-то, но у меня плохо

получалось. Единственный мотив, который я запомнила, – это повторяющаяся мысль о том, что я сумасшедшая и завистливая «беднячка», «драматургическая душонка», которая «тусовалась среди знати», и поэтому, вероятно, «исходила завистью» – и однажды слетела с катушек.

– Вы не понимаете... Они провели ритуал, они вызвали кого-то, какую-то сущность...

– Гребаные студенты! Накуритесь какой-то херни, а потом давай жрать друг друга!

– Я никого...

– У тебя на губах чужая кровь, идиотка! На пальцах – кишки! Везде – твои отпечатки! Колдуны изучили замок, там не было признаков никаких темных сущностей! Никого друзья твои не вызвали: это все ты сделала, завистливая маленькая сучка, это ты их убила со своим напарником!

– Мне нужен адвокат, – бормотала я. – Я не буду говорить без адвоката...

Но адвоката мне не спешили предоставить. Я догадывалась, что весь Зайверино и вся западная Шэрхенмиста тогда ходили ходуном, потеряв столько молодых аристократов.

Дни шли за днями. Я металась в полубреду, мне отказывались вызывать лекаря, не разрешали никаких посещений. Позже я узнала, что тогда все ждали какую-то шишку из Правого ведомства, который бы занялся «Резней в Зайверино». Без него боялись начинать. До его приезда все встало на паузу, как в заклинании остановки дождя.

В моей камере было два окна: одно в стене и крохотное на потолке. Как-то днем вдалеке слышались крики, скандирование толпы, и вдруг в большом окне появилось множество искаженных яростью лиц. «Убийца!!!» – орали они и трясли решетки, и кто-то плюнул сквозь прутья, а кто-то – кинул нож, но не попал.

А ведь Дерек действительно убила я...

Прибежала стража. Толпу линчевателей разогнали, окно заколотили.

В окне на крыше целыми днями сидел черный ворон. Между своими галлюцинациями и снами я решила, что он – мой друг. Более того, что он – дух природы, ворон *лорли*, покровитель вересковых пустошей. Он был единственным маяком реальности в духоте кошмаров, наполнивших тогда Зайверино и мое сознание.

Кажется, именно то присутствие ворона толкнуло меня к двум вещам в будущем: к тому, что в дальнейшем я прониклась симпатией к духам-рёхам и теперь не прохожу мимо их святилищ без короткой медитации; и к тому, что потом я завела воронов дома.

Между тем ночью, примерно через неделю после Резни, когда я металась во сне на жестких нарах, замок в двери моей камеры неожиданно щелкнул. В узкой полоске дрожащего лунного света, проникающего в окно, я увидела того незнакомца с побережья.

Несмотря на спутанность моего сознания и болезнь, я сра-

зу его узнала – эти бешеные черные глаза на треугольном лице. Я почему-то испугалась, что он убьет меня, но он только резко шикнул:

– Молчать! – пружинисто подпрыгивая ко мне и накрывая мне рот ладонью. – Я не причиню тебе вреда, пока ты не причинишь его мне – а у тебя на это сил не хватит. Надо двигать отсюда, потому что ты не хочешь на виселицу. А они повесят тебя рано или поздно. Уж я-то знаю таких ублюдков. Сейчас я уберу руку. Крикнешь – потеряешь свой последний шанс. Ясно?

Я кивнула. Он убрал ладонь.

– Кто ты? Почему ты помогаешь мне? – пробормотала я.

– Да просто не люблю беспорядок, – процедил незнакомец.

Но тут он слукавил.

* * *

Когда мы выбрались, оказалось, что у незнакомца был еще и более прагматичный мотив, чем просто ликвидация бардака.

Он был чужеземцем – рабловцем. А у нашей страны есть магическая защита: чтобы чужак получил возможность свободно перемещаться по острову, кто-нибудь из народа шэрхен должен *авторизировать* его, прочитав ритуальное при-

ветствие⁶. В теории это может сделать кто угодно, но, учитывая обстоятельства, у чужака было не много вариантов – весь Зайверино искал его, моего «сообщника». Так что он выбрал меня.

Незнакомца звали Мокки Бакоа. Он был вором в Рамбле и решил остаться им в Шэрхенмисте. А я с его легкой руки вором стала.

Но сначала мы просто пытались выжить.

Мои раны, жар, галлюцинации и кошмары. Его сломанные ребра, непривычность к суше, незнание острова. Как две разорванные тени, мы блуждали по лесам, скрываясь от стражи. Остерегались разжигать костры и в темноте сидели друг напротив друга, глядя исподлобья, хрипло дыша. Сигнальные огни облавы иногда подбирались так близко, что я молча плакала от бессилия и ужаса, а на изнанке век у меня облизывалась страшная фигура Дерека...

Кого вызвали мои друзья?

Просто – *кого*?

...Израненные и заблудившиеся, мы с Мокки добрались до Пика Грёз и спрятались там от целого мира.

Мы не доверяли друг другу, но остальные для нас и вовсе были врагами. Я иногда просыпалась от собственных рыданий, и Мокки молча протягивал мне воду. Он, бывало, во сне бормотал что-то очень зло, а потом начинал сам себя расца-

⁶ Размер «зоны прибытия» зависит от побережья. Где-то чужеземцам дается сто шагов, а где-то – пара миль вглубь острова.

рапывать до крови – тогда я будила его.

Я учила его тонкостям шэрхенлинга и культуре шэрхен. Он добывал нам еду, находил места для ночевок, присматривался к городу, в чьих темных кварталах уже тогда хотел навести порядок.

Мне все время казалось, что за мной кто-то следит. Я боялась собственной тени, шарахалась от людей. Мокки был единственным, кому я позволяла прикасаться к себе – чтобы перевязать раны на спине.

– Они выглядят странно, – однажды, помолчав, сказал он. – Будто какой-то язык или шифр.

Я хотела сказать: «Да, я тоже так думаю», но вместо этого... разрыдалась. Бакоа обнял меня и не отпускал до утра. Его объятия были похожи на тиски охотничьего капкана, но я не хотела, чтобы он разжимал руки.

– Чего ты хочешь? – иногда спрашивал меня Мокки, чья карьера Рыбной Косточки постепенно шла в гору.

– Я хочу безопасности, – честно сказала я.

– Ты в безопасности со мной.

Но я упрямо качала головой и не верила.

А однажды я сказала:

– Я хочу узнать, что это за шрамы у меня на спине. И убедиться, что *та тварь* больше не появится. Никогда. Нигде. Не причинит никому вред.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.